

Малыш нарисовал в тетрадке дом,
У дома речка и цветы кругом.
И ты и я,
Все сделать мы должны,
Чтоб этот маленький не знал войны!

РАБОТНИЦА

Июнь

1963

6

ОНИ ХОТЯТ ЖИТЬ В МИРЕ.
Фото Б. Кауфмана.

Елена КОНОНЕНКО

Когда я была в Париже на самом первом Всемирном конгрессе, на том историческом слете, где родилась Международная демократическая федерация женщин, я в первые же часы поняла, что есть на свете могучий язык, на котором могут понять друг друга женщины разных континентов, рас, национальностей, разных социальных слоев, политических и религиозных убеждений,— это язык материнства.

Впрочем, на том, парижском, конгрессе, что собрался в 1945 году по горя-

чим следам войны, женщины сумели бы договориться между собой, даже если бы вообще были лишены дара речи. Уж очень много было выстрадано, уж очень много зла, бедствий принес оголтелый фашизм всему человечеству, уж очень многие потеряли своих сыновей, дочерей, мужей, отцов, братьев.

Я всегда вспоминаю и буду вспоминать трагическую минуту молчания в парижском «Зале взаимности»...

Эжени Коттон, седая француженка, доктор физических наук,— имя этой

Е СЛИ ЖЕНЩИНЫ ВСЕЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

6
И Ю Н Ъ
1963

Общественно-политический и литературно-художественный журнал
ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

благородной женщины сейчас знает весь мир — предложила почтить память погибших в битве с фашистами.

Конгресс встал. Молчали. О, какие горькие глаза и суровые лица были в эту минуту у женщин, как они, такие различные внешне, были похожи сейчас друг на друга! Мне тогда показалось, что слышно, как стучит одно огромное окровавленное сердце — сердце матери. Прошел год, и я слышала этот стук. Прошло десять лет, и я вновь слышала этот стук. Теперь уже прошло восемнадцать лет, и я снова, вспоминая минуту молчания в парижском зале, слышу его...

Да, это понятно. Кровавые следы жестокой мировой бойни... Еще не заросшие травой могилы. Еще не залеченные раны, не сросшиеся кости. А с трибуны конгресса — страшные рассказы о детях-сиротах, о детях-калеках, о плаче и столах младенцев, замученных вместе со своими матерями в Бухенвальде, в Майданеке, в Освенциме — всюду, где были варварские застенки гитлеризма.

Да, это ясно, почему так быстро поняли друг друга женщины, говорящие на разных языках, почему они все вместе гневно воскликнули:

— Довольно! Матери не могут этого допустить больше! Никогда! Никогда!

И вот тогда впервые дали присягу, клятву — стеной встать на стражу человеческого счастья и прежде всего, конечно, благополучия детей и будущих поколений.

В 1956 году мне довелось побывать еще на одном всемирном женском слете. Это было в Будапеште. Встретились трудящиеся женщины всех континентов. Швеи и текстильщицы, работницы плантаций и железнодорожницы, торговые работники и машиностроители, учительницы и медики... Встретились, чтобы обменяться опытом борьбы за свои права и вместе подумать, решить, как дальше жить. Это был разговор о единой борьбе трудящихся женщин капиталистических, колониальных и зависимых стран за повышение их зарплаты, за действительное осуществление принципа «за равный труд — равная оплата», за активное участие женщин в профсоюзной жизни, за облегчение нелегкого быта трудящихся матерей.

На этой конференции присутствовали не только женщины, объединенные Всемирной федерацией профсоюзов. Здесь были широко представлены и другие объединения, например, Международная конфедерация христианских профсоюзов, Международная конфедерация свободных профсоюзов, так называемые «независимые» профсоюзные организации и т. д. Но встреча показала, что, какие бы ни были политические различия во взглядах, есть много общего, что позволяет им идти вместе. Сближение произошло именно тогда, когда заговорили о детях — о самом дорогом для каждой матери, каждой женщины, кто бы она ни была — француженка, американка, немка, итальян-

НОМЕР НАШЕГО ЖУРНАЛА УЖЕ ПЕЧАТАЛСЯ, КОГДА МИР УЗНАЛ О НОВОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ПОБЕДЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА. ДВА ОТВАЖНЫХ СОВЕТСКИХ ЧЕЛОВЕКА СНОВА ПРОКЛАДЫВАЮТ ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ.

С ВОСХИЩЕНИЕМ ПОВТОРЯЮТ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ ИХ ИМЕНА: ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ БЫКОВСКИЙ И ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ТЕРЕШКОВА.

СЛАВА СОВЕТСКОМУ НАРОДУ-БОГАТЫРЮ! СЛАВА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ, ВДОХНОВЛЯЮЩЕЙ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НА ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ! СЛАВА ГЕРОЯМ-КОСМОНАВТАМ!

Вы видите Валерия Федоровича Быковского и Валентину Владимировну Терешкову в погожий летний день на Красной площади у Мавзолея В. И. Ленина.

Фото С. Баранова. (ТАСС).

ЗЕМЛИ

Евгени Коттон — председатель Международной демократической федерации женщин и Н. В. Попова — вице-председатель МДФЖ, председатель Комитета советских женщин.

ка, испанка, финка, японка, китайка... Заговорили о создании детских учреждений, о детских садах и больницах, о состоянии школ. И, конечно, о мире, о борьбе за прочный мир! Потому что о каких прививках против детских болезней можно говорить, если над детской колыбелью будет висеть бомба, которая способна мгновенно испепелить малыша! О какой охране женского труда можно говорить, если не будет вообще жизни, не будет дружбы между народами, не будет единства!

И первые слова, которые произнесли все вместе делегатки этого слета в Будапеште, были: «Мир!», «Единство!».

Сейчас передо мной проносятся волнующие картины этой конференции. И особенно та минута, когда женщины из стран с разными социальными системами крепко взялись за руки и, высоко подняв их, повторяли хором, каждая на своем родном языке:

— Мир! Мир! Единство!

И еще вспоминаю, когда после окончания деловой встречи женщины отправились на огромном пароходе, предоставленном венгерскими друзьями, прокатиться по Дунаю. Бронзовые мексиканки с черными, как смоль, волосами, белокурые немки, порывистые, грациозные француженки, яркие женщины Бразилии, спокойные сероглазые финки, маленькие китайки с застенчивыми, но волевыми лицами, энергичные американки, любящие шутку, — да разве я могу перечислить всех — белых, желтых, черных! Они сидели рядом, как друзья, пели свои национальные песни, плясали свои национальные танцы. А потом пели все вместе... И «Челиту», и «Кукарачу», и какую-то игривую французскую песенку с припевом «но-но-но» и «та-та-та», и китайскую песню, и японскую, и болгарскую, и уругвайскую... Тоня Пирогова, волгэрка с завода «Красный Октябрь», где ты сейчас? Помнишь, как ты повела плечом, да как притопнула ногой, да как запела нашу «Калинку-малинку»? Тебе стали подпевать все участницы конференции, выскочили на палубу свободные от вахты матросы, кочевары, официантки... И с зеленых берегов Дуная нам тоже подпевали люди, размахивая платками и шляпами. И я тогда подумала: какой красивой может быть жизнь на земле, как хорошо может быть устроена жизнь человека, если женщины самых различных стран всех континентов за какие-то несколько дней сумели так сблизиться!

А в 1960 году мне вновь посчастливилось побывать на всемирной женской встрече. Это было в Копенгагене, куда съехались женщины со всех концов земного шара, чтобы отметить 50-летие Международного женского дня 8 Марта и разработать программу дальнейшей борьбы за женское равноправие, женское достоинство.

И я снова услышала здесь этот волшебный язык материнства, способный сдвинуть горы.

Я вспоминаю недоумение и раздраженность некоторых буржуазных корреспондентов, впервые попавших на всемирную женскую встречу, — недоумение и раздраженность, потому что за длинными столами локоть к локтю сидят белые, черные, желтые женщины из ста двух стран, сидят, как одна семья, а между тем одни из них коммунистки, другие социал-демократки, третьи вообще никогда не занимались политической. Сидят рядом убежденные атеистки и убежденные верующие, православные и католички, мусульманки и лютеранки...

— Сомневаюсь, чтобы дамы столь разных убеждений смогли договориться, — иронически сказал один из буржуазных журналистов другому, попавая в комнату прессы содовой.

О, ему очень бы хотелось, чтобы мы не договорились! И как высоко взлетели его брови, когда «дамы столь разных убеждений» плечом к плечу шли с горящими факелами по Копенгагену, дружно и требовательно провозглашая на разных языках:

— Мир! Дружба! Мир! Дружба!

Конечно, были дискуссии, и споры, и нарочито каверзные вопросы на семинарах-коллоквиумах, в различных комиссиях. Но стоило кому-нибудь из делегатов заговорить о термоядерной войне и детях, как любое разногласие отступало, и женщины ближе садились друг к другу.

Так было, например, когда выступила итальянская общественная деятельница Марлен.

— Скажите, пожалуйста, — говорила она, — если в одном и том же доме живут на разных этажах люди разных мировоззрений и вероисповеданий и если надо погасить и предотвратить пожар, разве они не побегут все вместе? Побегут, потому что знают: пожар принесет разрушение их очагам, смерть их детям!..

Гул одобрения пронесся в зале.

И вот, мысленно взвешивая все, что произносилось и с трибуны и в кулуарах трех всемирных женских встреч (а их было за эти годы больше), понимаешь, что, по существу, шел все один и тот же тревожный и требовательный разговор о мире и справедливости на земле, о судьбах детей и судьбах будущих поколений.

О чем еще думаешь, вспоминая и анализируя эти встречи женщин?

О том, что родилась на земле новая женщина. Не отдельные горстки феминисток или отдельные отряды смелых борцов за справедливость, а вообще новая женщина. Это остро ощущаешь, соприкасаясь не только со своими соотечественницами, закаленными советскими женщинами, играющими огромную, гигантскую роль в строительстве нового общества; это чувствуешь, не только побывав рядом с дочерьми социалистических стран. Это ощущаешь и глядя на передовых женщин капиталистических и колониальных стран.

Если раньше женщина робко просила каких-то льгот, облегчения своего труда и быта, так теперь она не просит, а требует. Если раньше она просила, умоляла сохранить мир на земле во имя жизни своих детей, выношенных под сердцем, то теперь она не просит, а требует. Вот именно, требует! Это особенно чувствовалось на копенгагенской встрече. Как смело, гордо поднимались на трибуну делегатки Азии, Африки, Латинской Америки, какие глубокие, смелые и волевые речи они произносили! Эти речи — они не расходятся с делами! — показывали, как выросли народы, дочерьми которых они являются.

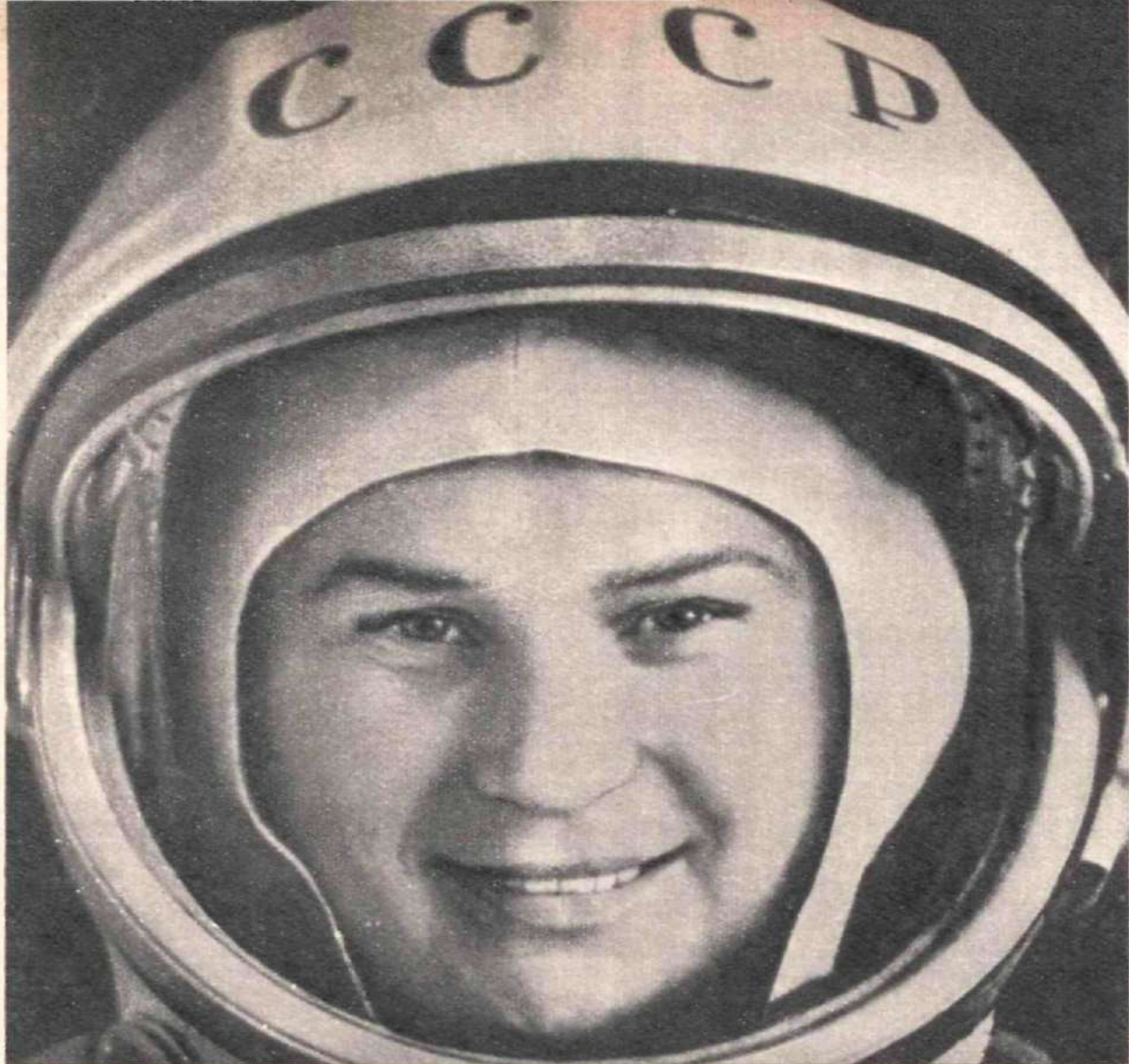
И вот я, мы все, советские женщины, участницы всемирных встреч, слушая зарубежных делегатов, разговаривая с ними, с волнением отмечали, что они, хоть многие из них еще не знают или не принимают ленинского учения, они сами — ярчайшее доказательство, утверждение мудрости великой ленинской мысли о роли женщин в истории человечества, в борьбе за человеческое счастье. Как радостно это сознавать, советские люди!

Вот уже целую вереницу лет женщины Советского Союза, братских социалистических стран, передовые женщины стран капитализма неустанно борются за улучшение мира, за справедливость, поддерживая и вдохновляя все миролюбивые силы планеты. Ведь это же факт, что широкое движение матерей всего света за мир, решительные, смелые выступления против преступной игры с термоядерным огнем не раз связывали руки империалистам.

Это же факт, что в судьбе таких стран, как Индия, Алжир, Гана, Гвинея, добывших независимость, огромную роль сыграли женщины.

И немалая заслуга во всем этом Международной демократической федерации женщин, которая стала такой могучей и организованной силой.

Я убеждена, что Всемирный женский конгресс в Москве укрепит и умножит эту могучую силу, рожденную священным огнем бесстрашного материнского сердца.

П Е Р В А Я !

Гордимся тобой, Валя Терешкова, крылатая бесстрашная девушка, наша дорогая космическая «Чайка»!

Гордимся, что ты наша, советская, русская. Ты первая женщина в мире, которая смело взвилась в космос. Спасибо тебе от всех советских людей, от женщин Советской земли. Гордо и радостно было нам, женщинам, услышать твой привет из звездных миров.

И Вам спасибо, Елена Федоровна, старая работница-текстильщица, за дочку Космонавта-Шесть. Кто бы мог подумать, что в июньские дни 1963 года мир услышит звонкий девичий голос Вашей Вали, пролетающей вокруг земного шара на корабле «Восток-6»:

— Я — «Чайка»! Я — «Чайка»!

Простой советский человек, тракторист Владимир Терешков погиб на фронте и не знает, что его дочь прославилась Советскую Родину. Но не зря погиб солдат Терешков, за то и воевал с врагами советского народа, чтобы жила и крепла наша Родина. Те-

решков живет в чудесных советских космических кораблях, в подвиге своей дочери.

И славному «Красному Перекопу», комбинату технических тканей, говорим спасибо за Космонавта-Шесть. И всему городу Ярославлю, что передает молодежи свои боевые революционные традиции. Здесь молодая работница Валя Терешкова без отрыва от производства окончила школу рабочей молодежи и заочный текстильный техникум. Здесь она стала комсомольским вожаком. Здесь ее приняли в ряды Ленинской партии коммунистов, здесь выросли ее крылья, которые понесли ее в звездные дали.

Советская Родина-мать воспитала настоящего борца за коммунизм. И Валию мы благодарим за то, что она такая волевая, целеустремленная, красивая душой.

Слава тебе, Космонавт-Шесть! Великолепный подарок сделала ты женщинам всего земного шара и прежде всего, конечно, нам, твоим матерям, твоим сестрам.

Будь счастлива, звездная «Чайка»!

В ЗАЩИТУ ПРАВ ЖЕНЩИНЫ

Зоя МИРОНОВА,

представитель СССР на XVII сессии комиссии по правам женщин
Организации Объединенных Наций

В 1946 году при Организации Объединенных Наций была создана комиссия по защите прав женщин. Она готовит рекомендации и доклады для экономического и социального совета ООН. В комиссии представлено 21 государство, среди них СССР, США, Англия, Франция, Канада, Чехословакия, Польша, Австралия и другие.

В марте этого года в Нью-Йорке проходила XVII сессия этой комиссии. Обсуждались проблемы, волнующие всех женщин мира, в первую очередь вопросы, связанные с борьбой женщин за равноправное положение в обществе, за повышение их роли в общественной и политической жизни.

В последние годы вместе с изменениями в развитии общества возросла роль и активность женщин в решении политических и социальных проблем.

В 97 странах женщинам предоставлены избирательные права. При этом надо отметить, что в Азии и Африке женщины завоевывают равноправие значительно быстрее, нежели это было

на Западе. Только за 1960 год, который вошел в историю как «Год Африки», женщины 17 стран этого континента получили политические права. Это результат завоевания национальной независимости. Вот, например, женщины Туниса. Еще недавно они носили паранджу, их унижали колонизаторы, они были в плену у религии, трепетали перед мужьями. А через три года после получения независимости туниски уже участвуют в выборах в парламент. Впервые в истории этой страны 11 женщин избраны депутатами муниципальных советов и одна — депутатом парламента.

Вместе с тем сессия отметила, что многие женщины еще бесправны. В восьми странах они до сих пор лишены избирательных прав. Это Афганистан, Иордания, Иран, Йемен, Ливия, Саудовская Аравия, Швейцария и Лихтенштейн. В семи странах, в том числе в Иране, Португалии, Сирии, права женщин ограничены. Так, в Гватемале только грамотные женщины могут участвовать в выборах и быть

избранными, а ведь среди женщин этой страны 75 процентов неграмотных. В Бразилии тоже неграмотные женщины не имеют права голоса, а грамотных женщины здесь только половина. И совсем уж бесправны женщины подопечных и самоуправляющихся территорий.

Важно, чтобы женщины не только получили избирательные права, но и могли принять практическое участие в государственных и хозяйственных делах, занимали ответственные посты.

Делегаты сессии приводили данные — их не могла опровергнуть делегация США — о том, что женщины этой страны фактически отстранены от участия в политической жизни. В конгрессе США прошлого состава было всего 17 женщин, а в нынешнем — и того меньше: 11 женщин.

Мы с большим интересом слушали сообщение представительницы Гвинеи, присутствовавшей здесь в качестве наблюдателя, о работе Всеафриканской федерации женщин. Эта молодая организация, возникшая в июле 1962 года, объединяет сейчас женщин 18 стран Африки и проводит большую работу в молодых независимых африканских государствах.

Много нового рассказала представительница Ганы, первая женщина-судья. Она говорила о том, как активно работают, с каким огромным желанием участвую женщины ее родины. Они занимают ответственные посты в правительстве и государственных учреждениях, деятельно помогают республике в ликвидации неграмотности.

В нашем выступлении мы, делегатки СССР, рассказали об итогах последних выборов в Верховные Советы союзных республик и местные Советы депутатов трудящихся. В Верховном Совете РСФСР 34,4 процента депутатов — женщины, в местных Советах — 41,6 процента. Говорили мы и о том, с каким подъемом готовятся советские женщины к Всемирному конгрессу женщин в Москве.

По инициативе делегаций СССР и Польши сессия комиссии по правам женщин обратилась к экономическому и социальному совету ООН с просьбой предоставить консультативный статус всем международным неправительственным организациям, в том числе и МДФЖ, которой до сих пор в этом статусе отказывалось.

Принята и резолюция о том, чтобы правительства всех стран представляли в ООН каждые два года данные, рассказывающие о фактических правах женщин, о том, имеют ли они на деле возможность занимать посты в правительственных и государственных организациях, а также в международных организациях. Эти сведения позволят ООН более конкретно судить на своих предстоящих сессиях об участии женщин в политической жизни своих стран.

Сессия обсуждала также вопросы профессионально-технического образования женщин, участия их в производительном труде, о пенсионном возрасте, правах на пенсию и т. д.

Комиссия рассмотрела материалы о занятости женщин, собранные за много лет Международной организацией труда (МОТ).

Они встретились на 14-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Слева направо: Полетт В. Ларош (Гвинея), Луиза Елена Вера Барриос (Венесуэла), Флоренс В. Аддисон (Гана), Бегум Шерин Азиз Ахмед (Пакистан), З. В. Миронова (СССР) — участницы заседаний Комитета по социальным, гуманитарным и культурным вопросам.

Высокий уровень развития промышленности привел к тому, что женщины составляют треть, а в некоторых странах даже половину всех трудящихся, однако в большинстве капиталистических стран мира их используют на малоквалифицированных работах или в канцеляриях. Есть много профессий, доступ к которым для женщин вообще закрыт.

Особенно трудно приходится женщинам, когда они выходят замуж: во многих странах (например, в Англии, Бельгии) существуют законодательные запреты или ограничения для найма на работу замужних женщин.

В Канаде замужество преграждает путь женщине к постоянной государственной службе и, как общее правило, лишает ее службы в учреждении.

В Бельгии в некоторых отраслях промышленности отстраняют женщин от работы после рождения второго ребенка. На частных предприятиях Голландии, Испании и Италии женщин увольняют с работы сразу же после замужества.

Уже много лет среди женщин высокая безработица. Она заставляет их жить в постоянном страхе за завтрашний день, ставит в унизительное положение, лишает возможности применить свои знания и силы.

В Италии все больше женщин эмигрируют за границу в поисках работы. В 1951 году количество женщин среди эмигрантов составляло 1,4 процента, а в 1960 году — 23,4 процента!

Особенно трудно приходится женщинам колоний. В Северной Родезии, например, из 263 тысяч всех работающих только 5 тысяч женщин.

По данным Всемирной федерации профсоюзов, приведенным на сессии, число безработных женщин в США достигло 3 700 тысяч человек.

Советская делегация внесла предложения о том, чтобы МОТ подготовила специальные доклады к очередной сессии комиссий с конкретными материалами по всем странам мира о безработице среди женщин. Это даст возможность комиссии по правам женщин более глубоко изучить эту проблему и выработать свои предложения.

На следующей, XVIII сессии мы предложили обсудить вопросы о борьбе с политикой расизма и дискриминации, волнующие весь мир, об охране материнства и детства.

Судьбы детей вызывают большую тревогу. Смертность и заболеваемость детей очень велики, особенно в странах, еще продолжающих оставаться под колониальным гнетом.

* * *

Осталось всего несколько дней до открытия в Москве Всемирного конгресса женщин. В нашу столицу уже съехались делегаты всех стран.

Встречаясь с женщинами в стенах ООН, мы всегда с радостью отмечаем, с каким нетерпением они ждут конгресса, как много возлагают на него добрых надежд.

Советские женщины заслуженно гордятся тем, что наша Родина все больше и больше притягивает внимание всех прогрессивных сил мира, борющихся за справедливое решение всех социальных и экономических проблем, за мир на земле.

Наталья Николаевна Забелина (слева) наблюдает за работой молодой верстальщицы Нади Кочалиной.

Фото Г. Дубинского.

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

А. ЛЕВИНА

Женщина нажала клавиш — где-то там, в глубине машины, встрепенулась дремавшая буква «Р» и, решительно подняв голову, стала первой в строй. Женщина еще раз прикоснулась к клавишам, и вторая буква, круглая, как солнце, — «О», — колесом подкатилась к первой. Еще и еще раз сильные женские пальцы коснулись клавиш линотипа, и буквы ринулись одна за другой. Вот построилось прочное «Д», а за ним высокое «И», плечистое «Н», размашистое «А», подошли и дружно стали плечом к плечу.

Несколько секунд назад они еще существовали каждая сама по себе и решительно ничего не обозначали — просто буквы, и все. Но вот рука женщины собрала их, они стали единым целым, и это целое наполнилось огромным, волнующим смыслом — «РОДИНА».

Закипел металл в словолитне, завертели ротационные машины — и вот уже утром люди, идущие на работу, разворачивают у газетного киоска свежие номера газет, и это слово приходит к ним в утреннем марше буква первомайских призывов «Да здравствует наша социалистическая Родина!», в походном строю будней: «Больше металла — требует Родина!».

Вместе со всеми идет мимо киоска на работу женщина с ясным русским лицом, та самая, что вчера набрала эти строки. Обычно она не носит никаких наград и орденов. Но, когда она пришла на сессию Верховного Совета РСФСР, пожилой офицер долго при-

глядывался к ней: откуда у этой женщины, Героя Социалистического Труда, военный орден Красной Звезды? Ему хотелось узнать, где, на каком фронте была она. Но Забелина не была на фронте и все-таки воевала.

Мне рассказывал один бывший белорусский партизан:

— Было это в трудное время, осенью 1941 года. Немцы кричали, что Москва взята, а радиосвязи у нас не было. Самолет сбросил в наш отряд медикаменты, патроны, листовки. Я взял в руки листовку, еще даже до конца не прочел, кричу: «Ребята! Наша Москва: листовка-то в «Правде» отпечатана! Я до войны там на практике работал, шрифты знаю. «Правда» работает, жива!»

Да, «Правда» жила. В типографии почти не топили. Натянув на руки перчатки с отрезанными пальцами, Наташа Забелина вместе с другими женщинами набирала сводки Информбюро. А в сводке были уже Волоколамское, Можайское, Малоярославецкое направления...

Когда объявлялась тревога, Наташа не уходила в убежище, оставалась здесь же, в цехе. Ей казалось: не может на земле быть места безопаснее и дорожке, чем этот наборный цех. Сюда пришла она девчонкой-фезеушницей, здесь, вон за тем линотипом, впервые увидела Сашу. «Друнди!» — сказал он ей и подал руку, блеснув сильными очками. Сюда, в этот цех, спешили они утром после свадьбы в первый раз вдвоем на работу, здесь ее встречали, когда она возвращалась в цех после рождения дочек,

и Саша счастливо улыбался в ответ на поздравления товарищей. Особенно любила она, когда они вместе уходили из типографии в ночь на 1 Мая, 7 ноября, закончив набирать праздничный номер. Для всех людей праздник начнется завтра — демонстрацией, парадом, знаменами, а для них он уже начался — пахнущими краской полосами с праздничными лозунгами, стихами. Так и жили они, торопясь, как бы забегая в завтрашний день.

И вот снова 7 ноября. 1941 год. Саша на фронте. Его могли освободить от армии — ведь у него такое плохое зрение, — но, когда Наташа попыталась сказать ему об этом, он ответил: «Ты понимаешь, как туго, если нужны и такие, как я? И если я не пойду, другой не пойдет, — кто тогда?»

В ночь на седьмое она работала особенно споро, быстро — недаром считалась лучшей линотиписткой «Правды». И только когда стала набирать статью Алексея Толстого, руки вдруг замедлили бег по клавишам. Буквы трудно, словно не из касс линотипа, а прямо из глубины ее сердца, собрались в одно слово — «Родина».

«За эти месяцы тяжелой решающей борьбы мы все глубже познаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, родина...»

Обычно Наташа не ночевала дома: девочки жили у ее матери во Всехсвятском, одной было страшно в пустых комнатах, ветер шуршал черными маскировочными шторами. Она забегала домой только иногда — взять вещи, убираться. Однажды соседка, которая работала в другом цехе, встретила ее в проходной. «Наташа, тебе письмо, третий день уж, никак тебе не скажу. Зайди домой».

Письмо было из армии. Но почерк на конверте не Сашин, а чужой. Она вскрыла конверт. «...Ваш муж Александр Друндин...» Как во сне добралась она во Всехсвятское, к дочкам.

А через сутки Наташа снова была в типографии, опять за линотипом. «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы... поражение немецких войск...» — набирала Забелина. По 18 часов, не отдыхая, работала она на линотипе — листовки, сводки, «Правда», «Комсомольская правда». Так что все правильно: орден Красной Звезды — действительно за военные заслуги.

«Родина... Много раз с тех пор набирала она из букв это слово. «Родина победила», «Родина строится»...

И настал день, когда среди имен лучших сынов и дочерей своей Родины она прочла здесь же, на верстальном столе, еще в мокрых гранках свое имя. Народ послал ее в Верховный Совет республики управлять государством.

Это и сессии Верховного Совета, где принимаются важные для всей страны решения, и депутатские приемы, когда люди приходят за помощью, — каждый со своей заботой, тревогой, предложениями.

Управлять Родиной — разве это не начинается с одной, доверенной тебе человеческой судьбы?

Женщина с ребенком на руках. Нужны ясли — вот ее забота, вырваться бы на работу. Наталья Николаевна знает, сама через это прошла, троих вырастила — дочки уже взрослые, сын в ремес-

ленном. Все сделаем, что возможно.

Но бывает и иначе. Недовольная ушла женщина, приходившая жаловаться на соседку. «Конечно, — сказала она на прощание Забелиной, убеждавшей ее быть добрее к людям. — Вы не можете этого понять, вы, наверное, живете в отдельной квартире, еще бы, депутат, Герой!»

Наталья Николаевна смотрела ей вслед немного растерянно. Ну, как вот такой объяснить, что она все еще живет в той самой большой коммунальной квартире, где когда-то поселилась с Сашей, что у нее четверо соседок и не только никогда не бывает споров, но и двери комнат никогда не запираются.

В самом заветном ящике ее письменного стола, там, где хранится золотая звезда Героя, орден Ленина, грамоты и награды, заметила какой-то белый, исчерченный чернилами плакатный лист. «Что это?» — спросила я Забелину. «Да это так, шутка друзей», — несколько смутилась Наталья Николаевна. Я развернула лист: это был предвыборный плакат с портретом и биографией Забелиной, какие в феврале были расклеены по всему району, но через весь этот плакат огромными чернильными, чуть расплывшимися буквами было выведено: «Ура! Целуем! Поздравляем, дорогой наш человек! Люся, Ваня».

Была когда-то в наборном на практике ученица ремесленного Люся М. Она училась у Забелиной не только наборному делу. Ясный свет души, всему знающей верную цену, покорила девушку. Люся привязалась к Забелиной и даже потом, когда ушла из цеха, часто приезжала к ней домой, рассказывала об учебе, о друзьях, о сердечных делах. Сюда, к Забелиной, пришла с человеком, которого полюбила. «Ивка» — назвала она его. И за этим именем Забелина почувствовала сразу все: и любит и стесняется его, как ей кажется, слишком обыденного имени Иван, его неизысканных манер, его застиранной армейской гимнастерки. И Наталья Николаевна наблюдала за парнем, слушала, приглядывалась. Он понравился ей цельностью натуры, прямотой, а манеры, так же как и костюм, — дело наживное, приобретаемое. Много раз говорила она об этом с Люсей, учила ее видеть за внешним внутреннее. Люся и Иван поженились, и Наталья Николаевна с тех пор как бы шеф этой молодой, дружной, учащейся (оба учатся) семьи. Со всеми спорами — к ней, как к высшему арбитру. Когда ее избрали депутатом, Люся и Иван позвали Наталью Николаевну с сыном в гости. На стене их небольшой комнаты висел этот исписанный синими буквами плакат. И то, что теперь этот плакат хранится рядом с самыми дорогими ее сердцу наградами, наверно, не случайно.

Теперь Наталья Николаевна — старший мастер наборного цеха: после войны она окончила полиграфический техникум.

У старшего мастера в наборном не перестает хлопот: надо распределить работу линотипистам, следить, чтоб все газеты и журналы набирались вовремя, верстались четко... Наталья Николаевна идет между рядами линотипов, вглядываясь в склоненные затылки наборщиков. Может, иному они ничего и не скажут — просто затылки — и все. А она смо-

тит на них то с улыбкой, то озабоченно.

Косички, мальчишеские непокорные вихры — вот оно, новое пополнение наборного, да и не только эти практиканты-ремесленники, но и рабочие-наборщики — почти одна молодежь.

Набирают они быстро; а когда прочитают отгиски, то одной буквы нет в слове, то другой. Эта пропущена при наборе, эта не отпечаталась, потому что строка отлилась непрочная, как принято говорить, *пустая строка*.

Как добиться, чтобы молодые так же, как и опытные наборщики, по звуку замечали, правильно ли упала матрица, кончиками пальцев ощущали неверное движение, ошибку? Для этого, наверно, есть только один путь — внимание и опыт.

На двери конторки наборного белеет объявление: «Сегодня в 16.00 заседание ПДПС. На повестке дня — качество нашей продукции. Докладчик — Забелина».

Она сидит в конторке над грудой гранок. Ей даже не надо читать поставленную сверху фамилию наборщика, чтобы определить, кто набирал. Вот чистая, без единой пометки — сразу ясно: гранка Молина. А вот испещренная оспинами корректорских значков. Ах, Vera! Опять наделала столько ошибок — если переливать каждую строчку, в которой есть ошибка, так, пожалуй, легче сделать новый набор...

Долго сидит Наталья Николаевна над этими гранками. Их-то она и возьмет сегодня с собой на заседание постоянно действующего производственного совещания, с этого и следует начать разговор о качестве.

Сама Забелина на линотипе уже не работает. Разве только изредка, когда нужно набрать срочно передовую в номер, ей говорят: «Наберите вы, Наталья Николаевна!» Но такие случаи бывают нечасто. А ее тянет к линотипу, тянет неудержимо. Как на старого друга, поглядывает она на свой бывший линотип, за которым теперь сидит Володя Зиновьев. Володя — крутолобый, вдумчивый, всего полгода, как окончил ремесленное, а уже неплохой наборщик, старается.

Наталья Николаевна часто подходит к его линотипу, подсказывает, помогает, учит. Но иногда она подходит к другим, чуть застенчивым выражением лица. «Володя, ты обедать? — спрашивает она. — Иди. Я закончу». Когда Володя возвращается из столовой, Забелина все еще сидит за его линотипом, руки ее летают по клавишам, она набирает оставленный Володей текст, а на лице выражение удовольствия, ну, прямо-таки счастья.

А Володя вспоминает: когда он еще учился в ремесленном и Забелиной в день 50-летия «Правды» присвоили звание Героя Социалистического Труда, они с ребятами спорили, за что дали ей это звание. Одни говорили: за то, что 30 лет работает в типографии, другие доказывали: за то, что лучшая наборщица — еще бы, 125 тысяч знаков за смену. И только теперь Володя понял, за что. Наверно, быть Героем Труда — это значит так любить свою работу, чтоб без нее не было тебе жизни, чтоб она стала твоей необходимостью, главной радостью.

Хорошо поработали сегодня девушки из бригады Валентины Гагановой! Рабочий день окончен, а расставаться не хочется. Слева направо: Валя Александрова, Катя Добромыслова, Тоня Степанова, Галя Ефимова, Ира Цыганкова, Валентина Гаганова, Галя Никитина, Рая Благова, Вера Константинова.

Вячеслав КАРПОВ

«Городок наш ничего...»

Невеликий этот городок хорош в любую пору года. Зимой он как бы весь из хрустала: звонкий от мороза, узорчатый, тихий и пушистый в пышном снежном убранстве. Через центр города пролегло шоссе Москва — Ленинград. Автобусы-экспрессы, легковые машины, тяжелые грузовики стремительно летят мимо старинных пузатых домиков и новых высоких зданий. Летят, но вдруг притормозят. Это какой-нибудь иностранный турист щелкает аппаратом, выхватывая «экзотику»: дедовский лабаз, зажатый между новехонькими зданиями, сани-розвальни, мальша в валенках и тулупчике, весело шагающего в школу... Так зимой. А летом?

Летом заезжий человек невольно ахнет от восторга. Дивится тололиной да березовой красоте города, старинным мостам-виадукам, легко повисшим над каналами, прорезавшими городок. В погожий летний день над их гладью висит знойное марево. По каналам сплывают ялики, рыбаки дремло замечались у воды, тихо тренькает где-то мандолина.

Жители Вышнего Волочка часто сравнивают свой древний город с далекой и живописной Венецией.

Я люблю бывать в этом городе. Люблю его спокойных и трудолюбивых людей. Вот идет по улице пожилая женщина в платочке.

— Куда это вы спешит Варвара Ивановна?

— На фабрику, проведать девчат, как они там...

Варвара Ивановна Базлова — давняя моя знакомая. Вся жизнь отдала тексти-

лю. Старый член партии, в прошлом опытная работница, она пользуется большим авторитетом в городе. Много раз избирали ее коммунисты прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината секретарем партийной организации. На комбинате ее любят и уважают, советы ее ценят.

— Ну, а как дела в бригаде Гагановой? — спрашиваю я.

— А вы пойдите, сами поглядите! Словами всего не передашь. Это вроде песни — их работа...

Песня

В низенькой светелке огонек горит,
Молодая пряха у окна сидит, —

так поется в старинной песне. Но здесь, в огромных цехах прядильной фабрики, звенела другая мелодия, слышались другие слова:

Подмосковный городок,
липы желтые в рядок.
Подпеваает электричке
ткацкой фабрики гудок.
Городок наш ничего...

Обеденный перерыв. Девчата, усевшись в кружок, напевают полюбившуюся им песенку.

Вдруг песенка обрывается, и я слышу: — Вот что, девочки, завтра субботник. Не забудьте: сбор в девять утра у проходной.

— А лопаты брать?
— У кого есть. А вечером все в клуб. И опять кто-то запекает: «Заправлены в планшеты космические карты...»
Я стою в сторонке. Глажу на девчат. Вот Галя Никитина, скромная, стара-

тельная, как будто ничем не отличается от других. Кончила школу ФЗО, училась в заводской школе с примечательным названием: «Коммунизм — практическая задача». Она не только сама работает отлично, но и других умеет вести за собой. Не случайно, уезжая по делам в Москву, Валентина Ивановна Гаганова оставляет вместо себя бригадиром именно ее, Галю.

Вот Рая Благова, ей едва исполнилось 20 лет, а она уже опытная работница, член Коммунистической партии. Девушки из бригады Героя Социалистического Труда Валентины Гагановой, все одиннадцать, — ударницы коммунистического труда. Живут дружно, работают споро и во всем помогают друг другу.

Мечтатели

Девчата из бригады Гагановой любят помечтать.

— Без мечты, без песни мир для нас тесен, — смеясь, говорят они.

— А о чем мечтаете вы?

— О разном, конечно. Вот я, например, мечтаю закончить полную среднюю школу...

Это говорит Валя Александрова.

— А потом?

— Потом опять учиться и работать. Так ведь интереснее!

— А я мечтаю о том дне, когда на земле не будет угрозы войны, — говорит Рая Благова. Она серьезная девушка, начитанная. Вместе с Галиной Захаровой вступила в партию в канун XXII съезда КПСС.

— А еще о чем мечтаете?

А это Галя Захарова, она теперь бригадир.

Фото А. Шапиро.

— О хороших женихах, чтоб от нас не отставали...

Взрыв смеха. Озорные прибаутки. И опять серьезный, какой-то очень душевный разговор.

Валентина Гаганова сидит тут же, она равная среди своих славных девчат, хотя и постарше их.

— Чаще всего о будущем мы мечтаем,— тихо произносит бригадир.— Хорошо представить коммунизм не вообще, а вот так, у нас. Закрываешь глаза — и... видишь коммунистический город Вышний Волочек...

— Нарядные улицы, тишина в цехах,— вставляет кто-то.

— Но главное, девочки, не в том, что изменится облик нашего города,— продолжает Валентина,— не в том, что появится много нового и в технике, и в быту, и в условиях нашей работы. Главное в том, что изменятся сами люди. Говорят: будущее рождается сегодня. Это верно. Но я бы сказала, что оно рождалось и вчера и будет рождаться завтра. День за днем, все летящие нам навстречу годы мы будем создавать его, а оно, это будущее, точно так же — день за днем — будет создавать и переделывать нас.

...Часто возникают беседы о будущем. И не только в гагановской бригаде. Такие же мечты, такие же мысли можно услышать и в других бригадах. И в тех, которые носят звание коммунистических, и в тех, которые за это звание только еще борются.

Как-то Валентина Ивановна сказала мне:

— Удивляюсь тому, что в нас, советских рабочих, видят какую-то загадку... Ведь почти каждый из зарубежных гостей, с которыми я встречалась, спрашивает: что вас заставляет так работать? Откуда эта увлеченность? Этот порыв? Самопожертвование?

Конечно, самопожертвования никакого нет,— говорю я им.— Зато увлеченность и порыв есть.— И добавляю, смеясь: — Такие уж мы есть, такими родились. Ну и знаем еще, для чего живем на земле...

Да, людям, живущим в капиталистическом мире, очень трудно порой разо-

браться в том, что побуждает советских людей с увлечением работать, идти на более трудные участки, работая, учиться.

— Вот я смотрю на своих девчат и радуюсь,— рассказывала Гаганова,— сколько в них заботливости о нашем общем деле. Это уже моя четвертая бригада, которой за высокие производственные показатели присвоено звание бригады коммунистического труда. Девочки все добрые друг к другу, внимательные к старшим...

Однажды Валентина Ивановна показала мне письмо, написанное крупным, размашистым почерком.

— Это письмо храню, как самую дорогую память. Получила я его во время работы XXII съезда партии.

Летом 1961 года, месяца за два до съезда, Валентина Ивановна перешла в новую бригаду. Эта была четвертая по счету отстающая бригада, которую Гаганова решила вывести в передовые. От имени новых подруг ей написала Галя Захарова. Вот это письмо:

«Здравствуй, дорогая Валя! Мы очень рады за тебя, что ты удостоена такой большой чести — быть избранной в президиум съезда нашей великой партии.

Мы внимательно следим за работой съезда, читаем в бригаде и дома все речи. Поверишь ли, сердце наполняется гордостью за нашу любимую Родину. С твоим выступлением мы тоже познакомились. И какая же ты, Валя, молодец! Нам особенно понравилось то, что ты рассказала о работе бригады Жени Степановой, о Гале Пушкиной с «Красного Мая». Ведь эти девчата делают большое дело — работают не только для себя, но болеют за наше общее дело — построение коммунизма. На фабрике почин Жени поддерживали уже 18 бригад.

Валя, работаем мы по-прежнему хорошо, даем план прядки до 45 килограммов. Девочки в твоё отсутствие как-то особенно подтянулись: не хотят подводить своего бригадира. Сейчас думаем, как лучше поддержать почин Жени Степановой. Так-то мы согласны поддерживать это начинание, но обязательство еще не оформили, ждем твоего приезда.

Валя, мне и Рае Благовой уже выдали карточки кандидатов в члены КПСС. Знаешь, мы так рады! Вручили нам их в торжественной обстановке. Нас поздравляли старые коммунисты. Я дала себе клятву, что партийный билет я с честью пронесу по всей своей жизни. Этот день останется в памяти еще и потому, что он совпал с моим двадцатилетием.

Валя, мы бы очень хотели, чтобы ты, если это будет удобно, передала наш привет всему президиуму съезда, особенно дорогому Никите Сергеевичу. И мечтаем мы с девочками о том, чтобы ты пригласила его в наш Волочек. Возможно, он и не найдет времени к нам приехать, но пусть знает, что мы от всего сердца приглашаем его.

Привет от девочек, от Анатолия Васильевича Смирнова, Веры Яковлевны Ромкиной, от Константина Михайловича Моисеева, от Александры Дмитриевны Романовой, от Жени Степановой и от всех остальных.

Галя».

А сегодня Галя Захарова уже сама возглавляет передовую бригаду.

Не счастье добрых дел

Вышневолоцкому хлопчатобумажному комбинату осенью этого года исполнится 106 лет. Бывшая вотчина фабрикантов Рябушинских и Прохоровых, он за годы Советской власти вырос в крупное, оснащенное новой техникой современное предприятие.

Многотысячный коллектив комбината знает, хранит и развивает славные традиции вышневолоцкого пролетариата. «Издавна,— говорили мне старые ткачи,— у нас повелось так: взаимовыручка — первое дело. Товарищество, дружба — без этого в рабочем деле нельзя. А в нынешнее время и подавно!»

По инициативе парткома родился на комбинате совет по руководству бригадами и ударниками коммунистического труда, или, как его называют по-другому, совет добрых дел.

Решено было, что совет займется расширением всех хороших начинаний, которые рождаются в коммунистических бригадах. Решили также, что каждая такая бригада будет регулярно вести «Книгу полезных дел» — летопись своей жизни и труда.

Я листаю одну из книг. На каждой странице — коротенькая запись: о том, как всей бригадой помогли заболевшей подруге вскопать огород; как взяли шефство над ребятами из соседнего детдома; об участии в народной дружине; о шумных и веселых свадьбах; об учебке... Много записей. Слова бесхитростные и скупые, за ними угадывается стремление умолчать о личном участии в добром деле. Но добрые-то дела на виду, их не скрыть.

— Может, мелочь это на первый взгляд,— говорит Валентина Ивановна.— Может, так оно уже давно где-нибудь заведено. Только я это мелочью не считаю. Что-то новое, душевное вошло в нашу жизнь, в отношения между людьми. Это пусть маленькая, но еще одна ступенька к тем братским отношениям в труде и жизни, которые будут торжествовать при коммунизме.

...Уже в Москве, читая выступление Никиты Сергеевича Хрущева перед участниками Всесоюзного совещания по промышленности и строительству, я поддержал свое внимание на таких словах: «Славная советская молодежь, возвращенная и воспитанная на героических традициях дедов и отцов, вместе с ними, в одном строю идет дорогой коммунизма».

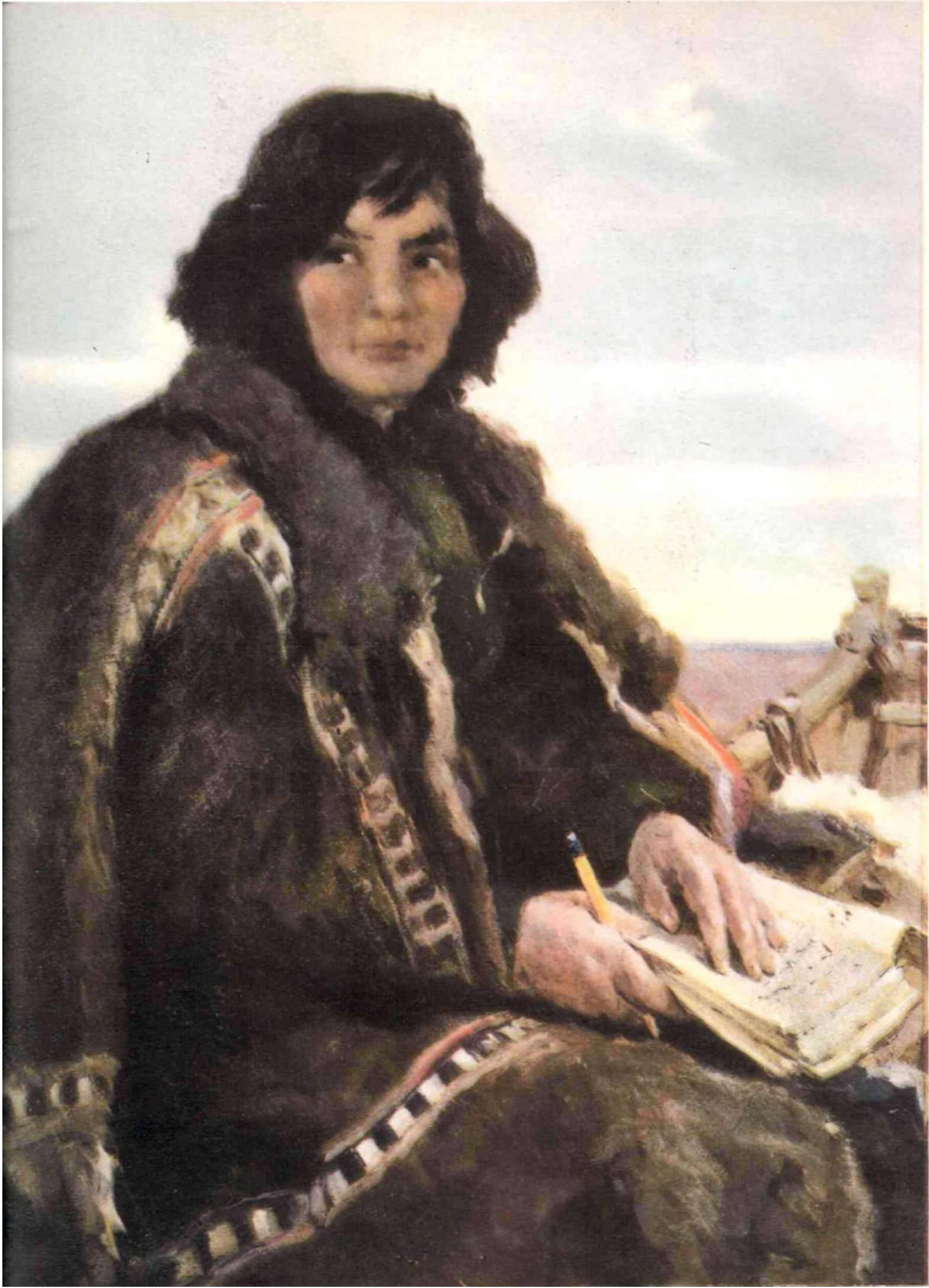
Эти слова как нельзя лучше характеризуют и вышневолоцких текстильщиц — людей, устремленных в будущее.

НА НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Девушки и женщины, которых вы видите на соседней странице, — участницы второго Всесоюзного совещания передовиков движения за коммунистический труд, люди самых различных профессий: бригадир монтажниц Каунасского радиозавода, мастер Душанбинского текстильного комбината, водитель трамвая из Волгограда, научный сотрудник одного из иркутских научно-исследовательских институтов... Они, как и десятки миллионов советских людей, участников движения за коммунистический труд, стараются уже сегодня жить и трудиться по-коммунистически и этим приближают будущее.

Фото Н. Маторкина.

Д. СВЕШНИКОВ. ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЬНИЦЫ Ф. И. ЛАНТЕНДАР. (Школа-интернат колхоза имени Влучейского).

НЕ ПРОСТИШЬ СЕБЕ

Инна ВАРЛАМОВА

Рассказ

1

Кира вышла из актового зала с горящими щеками, приложила к ним ладони и остановилась. Ей все хлопали, что-то говорили, она ничего не понимала. Никому ничего не отвечая и улыбаясь, она направилась к лестнице. Каблочки ее туфель звонко стучали по паркету.

— Кира, вы забыли сумку! — крикнул ей кто-то сзади.

— Нет, — ответила она.

— Разве это не ваша сумка?

— Да, — сказала она.

Кто-то засмеялся и сунул ей в руки сумку. И она подумала: «С ума сойти, тут же все документы!»

— Спасибо, — сказала Кира, но рядом уже никого не было.

Всю весну Кира не выходила на улицу — сидела в институте за чертежной доской. Сидела, пока ночь не заглянет в окно, не подмигнет ей отраженной в стекле лампой. Пока не закружится голова. Кира оглянется — никого из студентов уже нет. Все доски затянуты калькой, тихо. Лишь где-то в глубине коридора, за дверью, слышно громыханье ведра да урчанье воды в раковине: нянька выливает воду...

Кире не повезло с дипломной работой. Она выбрала себе темой диплома курзал в Севастополе. Руководил ею старый профессор, известный архитектор, великолепно знающий и любящий свое дело. Он ненавидел всяческое невежество, отсутствие вкуса и говаривал, что такт в архитектуре — это все. Нельзя сказать, чтобы он не признавал за архитекторами права поиска новых путей, но все, что за последнее

время дала так называемая современная архитектура, казалось ему настолько ниже созданного великими мастерами, что он сердился, страдал и учил студентов как огня бояться дешевых эффектов, старался привить им прежде всего чувство прекрасного, способность наслаждаться прекрасным.

Три месяца Кира старательно добивалась того, чтобы ее проект не выходил за рамки знакомого и любимого чуть ли не с детства строгого классического стиля. Она твердила себе: «Архитектура — это организованное пространство». Она искала пропорции, рисовала на ватмане голубое южное небо, мраморные белые колонны, широкие ступени... Спокойная эллинская мудрость задуманного и выполняемого проекта вызвала в ней тот высокий настрой души, который она так любила в себе и который, к ее удивлению, улетучивался мгновенно, лишь только жизнь, самое обыкновенное проявление человеческой жизни врывается к ней, хотя бы из коридора.

«Нянька моет пол... Кто сегодня дежурит? Марь Федоровна. Интересно, бывала ли она когда-нибудь в Крыму?»

Кира окончательно поняла, что ошиблась, когда до защиты оставалось всего несколько недель. Это было ужасно. Однако Кира теперь уже не в силах была притворяться и сказала обо всем профессору. Он огорчился, пожав губами, пораскаивался, схватившись за лацканы пиджака, с пятки на носок и наконец вымолвил:

— Ну что ж, Губина. В таком деле принуждать нельзя. Делайте, как повелевает вам сердце...

— Профессор... Не могу. Я хотела — и не могу. Я честно пыталась, вы видели... Довела почти до конца — и не могу... Я не сумею это защитить. Не от оппонентов. От самой себя...

— Хорошо, — сказал профессор. — Я помогу вам, как умею. А успеете?

— День и ночь! День и ночь буду сидеть!

И она сидела, вернее, стояла у доски и переделывала все заново. Решение пришло внезапно, она сама не знала, что созрела для того, чтобы сказать свое слово... Курзал в Севастополе! В героическом городе надо построить на берегу моря здание, в котором бы можно было и послушать концерт Баха и просто потанцевать. Здание, в которое могла бы свободно, не ощущая стеснительности, войти молодая женщина, уборщица Марь Федоровна. И, например, Костя, отец которого защищал Севастополь и погиб за этот город. Кира привыкла все проверять через Костю. Если Косте понравится, если Костя не будет испытывать неудобства, значит, в решении нет фальши. Нет на свете человека, который бы так, как Костя, был чуток ко всякой фальши... О, как ей повезло, что на ее пути попался этот человек!

Пусть Марь Федоровна и Костя придут в этот курзал, как в свой дом. И не забыть про море, нужно, чтобы оно дышало и плескалось прямо за окнами. И чтобы можно было выйти на балкон... или на ротонду... а еще лучше — на крышу и посидеть в шезлонге, закрыв глаза, под теплым, мохнатым от звезд небом. И чтобы здание было легким, розовым, из армянского туфа... нет, лучше железобетон, стекло, много стекла. И стройность форм и строгость пропорций, потому что тут старик прав: архитектура — прежде всего целесообразно организованное пространство. А роскоши не надо, роскошь оскорбляет. Полезность — да, красота — да, а роскошь — это идейное оскудение, духовное убожество...

Примерно это она и говорила на защите диплома: «Греки были мудры и исходили из своих условий... Почему же мы должны исходить из греков, или из ампира, или черт знает из чего, а не из своих условий?» Ну, конечно, Кира прибегала к научному языку, к специальным терминам.

Она разволновалась, голос стал так звенеть, что она сама услышала себя как бы со стороны и сразу перешла к рас-

Портреты и люди

Учительница из села Нельмин Нос

Молодая женщина, портрет которой вы видите на соседней цветной вкладки, — немецкая учительница Федора Ивановна Лантендар.

Я встретился с ней в школе селения с забавным названием «Нельмин Нос». Привели меня туда поиски натуры. Давно я мечтал создать образ женщины — представительницы народов Севера.

И вот встреча с молоденькой учительницей. Меня привлекло ее живое, доброе и одновременно воленое лицо, умные, внимательные глаза, выразительные руки. Пленило и то, что Федора Ивановна все время была окружена детьми, которые очень тянулись к ней, старались не пропустить ни одного ее слова.

Я думал об обобщенном женском образе и не ставил перед собой задачу сохранить полное портретное сходство с натурой. Но когда работа моя была выставлена, то все сразу узнали Федору Ивановну.

Судьба Федоры Ивановны Лантендар, дочери потомственных оленеводов, типична для немецкой девушки, выросшей и воспитанной в советское время. После шко-

лы Федора Лантендар поступила в Нарьянмарское педагогическое училище и, успешно закончив его, вернулась в родное село. Несколько лет заведовала там начальной школой и преподавала. Учительница завоевала сердца не только своих юных воспитанников, их родителей, но и всех жителей села.

Федора Ивановна до сих пор работает в селе Нельмин Нос и, как я узнал недавно, ее как лучшего педагога направили в Ленинград на годичные курсы повышения квалификации при педагогическом институте имени Герцена.

Моя картина «Портрет учительницы Ф. И. Лантендар» выставлялась в Москве, в Манеже, во время Всесоюзной художественной выставки 1981 года, а также в Германской Демократической Республике и получила неплохие отзывы.

Буду рад, если картина произведет хорошее впечатление и на тех читателей журнала «Работница», которые увидят ее впервые.

Д. СВЕШНИКОВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР,
г. Архангельск.

четам. Тут к ней придраться было невозможно: все было десяти раз проверено...

— Где ваш номерок? — спрашивала гардеробщица и, кажется, задавала этот вопрос несколько раз подряд, прежде чем Кира вдруг поняла, что стоит у вешалки.

Она стала рыться в сумке, номерок найти было невозможно, она вытряхнула все на барьер — какие-то бумажки, паспорт, пудреницу, зеркало, деньги, комсомольский билет, — аккуратно все перебрала и тогда вспомнила, что пришла без пальто и ничего на вешалку не сдавала.

Кира пошла к двери и хотела уже открыть ее, но дверь распахнулась, и перед ней оказался Костя — все-таки отпросился с работы, приехал.

— Ну как?

— Защитила, конечно, — ответила Кира, на свой особый манер чуть дернула подбородком и старательно запихала между туго натянутыми на голове волосами падающую на лоб прядку.

— О! — сказал Костя, иронически вскинув бровь. Он всегда издевался над ней, когда она принимала этот важный, независимый вид: он-то знал, что под ним часто прятались и неуверенность и волнение. И Кира, почувствовав это, засмеялась, взяла Костю под руку, потащила на улицу и стала рассказывать все по порядку, с самого начала. И что говорила она, и что оппоненты, и какие были вопросы. Даже про аплодисменты вспомнила.

— Это надо отметить, — наконец сказал Костя. — Хотя бы выпить коктейль.

— Лезть на табуретки? — испуганно спросила Кира.

— А это что, противно твоим убеждениям?

— Нет, но глупо ужасно. Сидеть на этих высоких табуретках? Буржуазно. И как-то неприлично, напоказ...

— А ради шутки? Просто чтоб подурить?

— Я не умею дурить, — сказала Кира.

Костя рассмеялся. И Кира, взглянув на его бледное, тонкое лицо с высоким лбом и золотистыми и тоже словно бледными волосами, поняла, что любит его страшно, такого, как он есть, с этой его иронией, и бледностью, и умом, и загадочной его работой, а он любит ее вместе с ее прядкой, и независимым дерганьем подбородка, и важничаньем, и сомнениями, и таким несовершенным пуританством...

— А что слышно об аспирантуре? — спросил Костя.

Кира знала, что ее могут оставить в аспирантуре, но уже много дней терзалась, считая, что оставаться в аспирантуре было бы ошибкой. Правда, она отодвигала от себя эту мысль, потому что не знала, как тогда быть с Костей, и все же мысль четкая, как формула, возвращалась и сигналила ей: нельзя, нельзя! Поступить в аспирантуру сразу после пяти лет учения в институте бессмысленно. Сначала надо испробовать себя, повоевать в жизни. Но можно ли еще откладывать свадьбу?

Как она иногда ощущала свою... не то чтобы старость, а какую-то немолодость, что ли! Она несла ее на себе, как бремя. Фигура, лицо — все было юным, пусть не красивым, но строгим, а строгость — это ведь свойство юности. Но то, что она почти не помнила родителей, которые погибли в войну, тяготило ее одиночеством, неприкаянностью, а эти чувства казались ей чувствами немолодого, утомленного человека. Она сердилась на себя и подавляла в себе желание счастья и материнства, ей казалось, что все это недостойно настоящего, уважающего себя человека. Не самое счастье, не самое материнство, а томление по ним.

Кира молчала. Костя поглядывал на нее сбоку. Они вышли на Трубную площадь. Звенел трамвай с горы.

— Что будем делать? — спросил Костя.

— Вообще или в частности?

— Вообще.

— Надо обсудить, — уклончиво сказала Кира.

— Ты хочешь уехать?

Как он научился ее понимать!

— Да, — сказала она.

— Ты можешь работать в Москве, — заметил Костя.

— Я хочу самостоятельности, — ответила она. — Здесь мне ее не дадут. Засунут в чью-нибудь мастерскую... К какой-нибудь знаменитости. Это гибель.

— А все-таки как с аспирантурой?

— Боюсь засохнуть, — сказала Кира, — понимаешь?

— Ну, ты преувеличиваешь!..

Кира молчала виновато. Они пошли по бульвару. День стоял пасмурный, идти было легко. Дорожка, посыпанная толченым кирпичом, была приятно твердой. Чуть шелестела листва.

— Что будем делать? — еще раз спросил Костя. — Во-первых, надо пожениться, по-моему... А там посмотрим.

— Ну, знаешь!.. Я не люблю, когда все идет по воле волн, я люблю определенность, ясность! Не люблю, когда моя судьба начинает зависеть от внешних обстоятельств!

— Наша свадьба — внешние обстоятельства? — тихо спросил Костя.

Кира вздрогнула, услышав этот тихий голос; Костя смотрел на нее мягко и горько.

— Ох, опять эта рассудочность!.. Хорошо, что это я. И что я люблю тебя. И все пойму...

— Мама дома? — быстро спросила Кира, и по тому, как он легко и сильно покраснел, как потемнели и наполнились синим блеском глаза, она поняла, что обрадовала его и он ждал и надеялся, что она задаст этот вопрос.

— Да. А ты хочешь заехать к нам? Она будет рада.

Они побежали к телефонной будке, Кира набрала номер.

— Анна Алексеевна? Это Кира говорит, здравствуйте. Да, спасибо. Да, все в порядке... Он здесь, рядом. Чай? Хорошо, мы приедем. Ничего не нужно купить? Есть, себя привезти!

Размахивая руками, Костя кинулся к мчавшемуся мимо такси и остановил его. Открыл дверцу, пропустил Киру.

— Роскошествуешь? — спросила Кира.

— Такой день! Хорошая моя, героиня моя, я тебя поздравляю!

— Костя, тише, он услышит.

— Товарищ шофер, — сказал Костя громко, — поздравьте нас, мы скоро поженимся. А невеста — да, да! — эта самая, что сидит здесь и косится на нас злыми глазами, сегодня как раз защитила диплом... С ветерком нас, будьте любезны.

Кира откинулась на спинку сиденья. А что, на самом-то деле, можно и ей наконец расслабить мышцы, успокоиться.

— Можно, — сказал Костя, взглянув на нее. — Можно, девочка, все можно сегодня.

2

У Кости и его матери была комнатка в огромной коммунальной квартире, где на стенах в коридоре висели велосипеды, тазы, стояли облупленные шкафы с разным ненужным хламом. Но сама комнатка была по-старинному уютной. Оклеенная темно-синими с золотом, благородно-кабинетными обоями, уставленная мягкой мебелью в чехлах и легкими переносными столиками с изогнутыми ножками, она как-то очень подходила ко всему старинноинтеллигентскому укладу этой семьи. Потому что здесь была семья и у нее был свой уклад, хотя она и состояла всего из двух человек.

Костя много работал и редко сидел по вечерам дома, но он был нежным, послушным сыном. Анна Алексеевна любила, когда к нему приходили товарищи, а в Кире она души не чаяла, хотя слегка и побивалась ее.

Сегодня они примчались на такси, оба раздумывавшиеся, веселые, какие-то такие, что Анне Алексеевне подумалось: «Кажется, пора сыграть свадьбу». Кира плюхнулась на диван и стала поддвигать, как кутенок, а Костя принялся вытанцовывать между секретером и козеткой ритуальную пляску папуасов. Анна Алексеевна смотрела на них, улыбаясь.

...А через неделю была свадьба. Анна Алексеевна вытатила из шифоньера какой-то белый парчовый капот, который ей когда-то подарили и который она и не думала носить, и под настроение за один вечер сшила Кире платье, туго обхватывавшее ее тонкую сутулую фигурку. Платье пахло старинными духами, нафталином и еще тем особенным, невыветриваемым запахом, каким была пропитана каждая подушечка в этом доме.

Руки Анны Алексеевны чуть дрожали, когда она застегивала на спине у Кире «молнию». И обним казалось, что они — мать и дочь, а не свекровь и не невестка, родные-родные, самые близкие во всем мире люди.

— Сюда бы мантильку, отороченную собольим мехом, — вдруг мечтательно сказала Анна Алексеевна.

Сейчас она уже не помнила свою трудную молодость, и побег из дома, от состоятельных родителей, которые не разделяли ее убеждений, очереди на бирже, и мозоли на ногах от грубой обуви, и пожар в бараке на строительстве Комсомольска, и радость от чудесной новой кофточки, перешитой из зефирной мужниной рубашки... Эту серьезную бледную девочку с морщинками у глаз ей хотелось наряжать и в меха и в туфельки на стеклянном каблучке... Она ловила себя на том, что мысленно примеривает ей какие-то серьги, медальоны... Чуть, конечно. Никому, а главное, Кире, это не нужно. Вот и сейчас, услышав про «мантильку», она расхохоталась до слез. А платье ей очень шло, она стояла в нем

перед зеркалом, вся блестя и переливаясь, беспомощно опустил руки. Анна Алексеевна любовалась ею, даже ее недостатки. Ничего ее не портило — наоборот! Будь у Киры более яркая внешность, более пышная фигура, такое платье могло бы выглядеть вульгарным.

Гостей на свадьбе было раз-два — и обчелся: подружка Киры по институту, товарищ Кости по работе и одинокая соседка из угловой комнаты.

Подружка Киры, кореянка, изящная, словно цветок орхидеи, в черном тафтовом платье, с тускло-латунными плечами, обольщала Костиного товарища, красавца сибиряка, огромного и надменного.

Сибиряк кривил красивый рот, курил, фыркал, изредка грубил, изредка отпускал комплименты, а в общем, больше налегал на фаршированный перец. Костя, улыбаясь, поглядывал на них. Он знал, что сибиряк хорош только в работе, там он «бог, царь, герой», а с женщинами неулюж и резок.

Потом начались танцы, и старые женщины наблюдали их, думая каждая о своем.

Соседка из угловой комнаты думала о своем сыне. Он носил курточку с коричневой кокеткой, а сам был такой, какими уже теперь не бывают молодые люди. Он был серьезный, но вместе с тем и веселый, а сейчас это как-то у них не получается. Или уж серьезный, или, наоборот, веселый. И вот мальчик ушел на войну, и погиб, и не женился, и ничего у него не было...

Анна Алексеевна с улыбкой умиления вспоминала, как она однажды участвовала в комсомольской облаве на танцевальную площадку, где разные лощеные юнцы в гетрах и девицы с челками отплясывали насквозь буржуазный фокстрот... Ух, как они костили тогда на комсомольских собраниях всю эту шаркающую изпманскую нечисть!

...Кира танцевала напряженно, старательно. Чуть горбилась, чуть стеснялась, однако и тут старалась показать свою полную независимость и самостоятельность. А Костя, понимая, как это для нее важно, с доброй улыбкой подчинялся.

— Так? — вскидывая с иронией брови после каждого замысловатого современного па, спрашивал он.

— Ничего, — сурово отвечала Кира. — Только колени держи вместе. Некрасиво, когда колени разъезжаются.

— О! — принимал к сведению Костя. — Так?

— Ничего, — одобряла Кира.

Свадьба подходила к концу. Все это почувствовали разом. Надо было расходиться.

И вот они остались одни — испуганные и окаменевшие от напряжения дети и мать.

3

На улице прохожие оборачиваются и глядят ей вслед. И с удивлением обнаруживают, что женщина высока и сутула и одета в мешковатое коричневое пальто... А ведь она поразила их, когда шла навстречу. Красотой? Нет, чем-то большим.

С жизни будто содрали грубоватые холщовые покровы, и она вдруг засияла для Киры всеми своими красками. Вот так по весне начинается таяние снега, с гор бегут ручьи и наполняют реки, и они набухают темной тающей водой.

...Киру никогда, даже в детстве, так не лелеяли, не холили. Мать была скупа на ласки, стыдилась сентиментальности. Отец был слишком требовательным. И эти качества родителей передались Кире.

В семье Кости все иначе. Никто ничего не требовал друг от друга. Просто все любили. Анна Алексеевна любит Костю и Киру. Костя любит Киру и мать. Кира любит Костю и Анну Алексеевну. И все стараются делать друг другу добро.

Но вот беда! Кира не умеет весело и безрассудно принимать дары. Она должна заслужить их. Внутренне заслужить. Любовь Кости подстегивает ее. Кира ищет себе ношу. Но, сколько она ни взваливает на себя, все ей легко... Родители, родители... Это все они! Их закваска!

Костя говорит Кире: «Обопрись на меня... Расслабься. Тебе надо отдохнуть. Ты устала». Но Кира не умеет отдыхать, хотя и дожила до двадцати пяти лет. Двадцать пять — это много: это полжизни. Отец в эти годы уже отвоевался на гражданской. А мать Киры — тогда простая, малограмотная работница — была уже прозвана товарками «бабий бог». Успела наломать хребет на хозяйской фабрике, наголодаться вволю. Муж на фронте, а она натрое разрывается: фабрика, детишки, фабком. Кира у родителей — последний, обоим за сорок было, когда она появилась. А старшие брат и сестра родились в первые после революции годы, и оба были малы, когда мать выбрали делегаткой на Всероссийский съезд работниц.

Рисунки В. Высоцкого.

В ту пору матери было двадцать пять лет.

Да, двадцать пять — это порог, это полжизни. Надо торопиться. Хватит говорить: «Все впереди!»

Кира поступила в мастерскую знаменитого архитектора. Все было так, как она и предполагала: косвенное касательство

до чужих замыслов — и ничего своего. Зато была любовь. Было счастье. Было такое захватывающее дух счастье с Костей, о каком она не могла мечтать. В замужестве она раскрыла не только Костю, но и себя. И это оказалось такое счастье — познавать себя!

«Все эти красивые лица вокруг меня, это небо, голубое ли оно, осеннее ли, или все в тучах, эти булочки сладкие и стакан холодного густого кефира или книга (а ведь это «Дама с собачкой», сколько раз читанная!) — все это я. Все новое, будто заново открытое мной, и во всем я вижу себя, умеющую так полно, так сильно наслаждаться».

Но даже наслаждаясь, Кира иногда вдруг застыла в недоумении. «Да полно, что это со мной? Не постыдно ли то, что со мной происходит? Не слишком ли уж я позволяю себе распускаться?» И в глазах ее появлялось что-то детское, недоумевающее: «Я ли это?»

4

Если разобраться, все это не то. И, вероятно, можно было найти более интересное решение, более интересное с точки зрения архитектурной. И все-таки Кире нравится этот юный город, выросший посреди тайги за каких-нибудь пять — семь лет. Что она может поделать, если ей нравится все это? Костя бы очень удивился. Ведь у Кире разум всегда был на первом месте, а тут вдруг вылезло чувство.

Хотя... это не так уж несовременно. Нет, ей-богу! Например, идея замкнутых кварталов. Строители сумели сохранить кедровые и сосновые; они живописно разбросаны между домами, будто выскочили ненадолго сюда из тайги и остановились, образуя сквозную опушку посреди дворов. Во время закатов жарко горит чешуйчатая оранжевая кора сосен, и тут же несколько пней, и заборчики, и протянутая веревка с бельем, и бегают дети, и рядом дома (трехэтажные), и с улицы доносятся трамвайные звонки... Все перепутано: природа, жильё, техника, птицы, дети, закат — разве это не современно?

А планировка улиц? Все это тоже очень разумно. Перед домами полоса газонов, затем тротуар, снова газон и проезжая часть. Вдоль тротуара с обеих сторон сосны, иногда кедровые или лиственничные.

Кое-где заметно стремление к украшательству. Какие-нибудь неуклюжие колонны из кирпича. Но это выглядит здесь, в Сибири, как-то неожиданно. Приедет человек из тайги, найдется по урману — и вдруг, на тебе, колонны. Хорошо!

Кира усмехается своим дилетантским, непрофессиональным рассуждениям.

В гостинице, где поселилась Кира, собрался разнообразный, но все больше беспокойный, веселый народ. Носатый инженер поет по утрам: «Под небом знойным Аргентины...» Он поет это в умывальнике и плещется так, что после него весь пол в голубоватых мыльных лужах, и в тапочках там уже не пройти. Или молодой писатель в очках. Он утром уезжает на комбинат на велосипеде и при этом так яростно крутит

педали и с таким азартно-свирым видом пригибается к рулю, словно он козбой из голливудского фильма и участвует в погоне. А на соседней койке в том номере на двоих, в котором живет Кира, расположилась девушка-скульптор. Удивительнейшее существо с зелеными глазами русалки и большими, красивыми, почти мужскими руками, которые будто самой природой предназначены мять глину.

По вечерам все собираются в гостинице, усаживаются на красном диване рядом с пальмой, под картиной Айвазовского «Девятый вал», и тогда Кира узнает, что у носатого инженера есть сын, который — вы подумайте! — сказал: «Папа, если ты не поведешь работать на этот комбинат, то... то... разве ты себе потом простишь?»

А писатель, необыкновенно молчаливый, но страдающий, как выяснилось, «пулеметностью речи», вдруг начинает страшно быстро и непонятно рассказывать про то, какие ему здесь встретились потрясающие люди, какие потрясающие судьбы у них, и что он буквально начинен потрясающими впечатлениями, и что роман тоже должен получиться потрясающим... ничего вроде бы.

А скульптор, обхватив своими большими руками колени, тихо говорит:

— Тут все вокруг такое настоящее, что и самому хочется быть настоящим. Соответствовать.

Кира очень любит Костю. Но сейчас она счастлива, что он укатил на север.

«Ты, мой хороший, уехал на север, а я отпросилась у своего начальства и махнула сюда. В последнее время тебя стала интересовать вечная мерзлота. Какое она имеет отношение к тем таинственным проблемам, которыми ты занят, понять невозможно. Тем не менее я благословляю эти проблемы, Полярный круг и мерзлоту: благодаря всему этому я тоже вырвалась из Москвы и увидела чудо-город».

Мы живем с тобой дружно, Костя. Ведь правда, милый? Ссориться с тобой, прямо скажем, невозможно. У тебя такой ясный, добрый характер! Но есть одна тема, которую мы обходим: моя жизнь. У меня ведь есть своя жизнь, и эту тему мы обходим. Правильно ли это?»

Кира ходит по улицам и думает, думает... С детства она стремилась принести себя в жертву кому-нибудь или чему-нибудь... Но теперь она тихо смеется над собой.

«Есть же выход — мерзлота. Ну, да, та самая мерзлота, с которой почему-то связаны дела Кости. Взять и уехать туда вдвоем, за Полярный круг. Там, конечно, не будет инженера с его Аргентиной, не будет скульптора и восторженного писателя (Кира успела их всех полюбить). Там даже не будет этих чудесных сосен...»

Но за то, что там найдется гостиница с картиной Айвазовского, можно поручиться! И люди. А раз так, раз там будут люди, значит, им нужны будут дома. Людям всюду нужны дома, и театры, и библиотеки... А я это умею, Костя. У меня голова полна мыслей. Я могу!..»

Книжная полка

Женщины города Ленина

Эту книгу написали женщины разных профессий. Они сами были участницами тех великих событий, о которых рассказывают. Эта особенность книги делает ее необычайно интересной.

Знакомая с судьбами женщин-ленинградок, мы, словно в кинокадрах, видим путь, пройденный нашей страной. Борьба за Советскую власть... Трудности пятилеток... Отечественная война... Годы мирного строительства...

Многие авторы — старые члены партии. Среди них Е. Д. Стасова, Д. А. Лазуркина, А. В. Артюхи-

на. Особенно волнуют женщины, посвященные встречам с Лениным. Их написали женщины, которым посчастливилось работать вместе с Ильичем. На всю жизнь они сохранили дорогие воспоминания и теперь поделились ими с читателями.

П. М. Волнова, в прошлом работница, затем директор слюдяной фабрики, а ныне персональная пенсионерка, рассказывает о I съезде работниц и крестьянок в Колонном зале Дома союзов.

О первых пятилетках, о грозных годах Отечественной войны и 900-дневной блокаде Ленинграда вспоминают швейница М. Г. Калантырская, педагог И. И. Егорова, антрис М. Г. Петро-

ва, партизанка М. В. Скобелева, Герой Советского Союза М. С. Демидова...

Сборник повествует не только о прошлом. Со страниц книги встают образы женщин-ленинградок 50 — 60-х годов. Это работницы, учителя, инженеры, партийные работники, журналистки.

С одинаковым интересом читаем мы статью певицы и монтажницы, поэтессы и швеи, доктора медицинских наук и ткачихи.

Эта книга, созданная женщинами, — увлекательный рассказ о нашей Родине, строящей светлое будущее — коммунизм.

М. НАЗАРОВА

У каждого из нас есть какое-то представление о той или иной стране, если даже мы сами там не побывали. Но вот вы встречаетесь с ней лицом к лицу. Бродите по улицам города, который раньше знали только по книгам и кинофильмам, смотрите на лица людей, говорящих на чужом языке, — и странное чувство охватывает вас. Как будто все это уже было когда-то... И в то же время все новое, незнакомое. Хочется заглянуть в самую глубину, узнать, чем живут здесь люди, что их волнует. Хочется понять до конца незнакомую тебе страну...

Вот с таким примерно настроением я знакомилась с Италией.

Милан... Крупнейший промышленный центр Италии. В Милане находится и центр музыкальной культуры страны — знаменитый театр «Ла Скала». Здесь звучали голоса Карузо и Руффо, Шаляпина и Собинова. Пожалуй, не назовешь ни одного певца с мировым именем, которому бы не аплодировал «Ла Скала». И вот в этих стенах, овеянных музыкальной славой, я провела целый год на стажировке вместе с группой молодых советских солистов: Тамарой Милашкиной, Евгенией Мирошниченко, Александром Ведерниковым и другими.

Конечно, мы не были новичками. У каждого из нас уже был достаточный опыт исполнительской деятельности. Но в искусстве нет проторенных дорог. И если хочешь найти свой, неповторимый путь, надо учиться всю жизнь. Стажировка в «Ла Скала» дала нам возможность совершенствовать свое мастерство, знакомиться с искусством замечательных итальянских и других зарубежных солистов.

Театр «Ла Скала» одним из первых откликнулся на предложение нашего правительства провести культурный обмен между Италией и СССР. В то время как мы, шесть советских певцов и певиц, занимались в «Ла Скала», шесть солистов балета из этого театра проходили стажировку в Москве, в нашем Большом театре.

Итак, год в Милане. Днем мы занимались с концертмейстером или пианистом, изучали итальянский язык, а вечером становились зрителями театра.

Мы старались не пропустить ни одного спектакля или концерта. Но выкраивали время и для знакомства с городом и с его жителями.

Хочу предупредить заранее. Я не берусь давать всестороннюю характеристику положения женщин в Италии. Я поделюсь лишь некоторыми своими наблюдениями.

Мне понравился характер итальянской женщины — энергичный, темпераментный, жизнелюбивый. Но на улицах Милана мне приходилось встречать бездомных и нищих, а также девушек и женщин с утомленными, грустными лицами. Постоянные заботы оставили свои безжалостные следы даже на лицах самых молодых из них. Какое настроение может быть у женщины, если семья еле сводит концы с концами!

В Италии официально проституция запрещена. Но в Милане, как и в других городах, она тем не менее, хоть и нелегально, пышно расцветает. Вече-

МЫ - ГОСТИ «ЛА СКАЛА»

Алла СОЛЕНКОВА

ром на улицы выходят толпы женщин, продающих себя. Существуют целые кварталы, пользующиеся дурной славой.

Работу в Италии получить трудно, особенно женщине. Поэтому страх потерять место постоянно сопутствует человеку.

Однажды я зашла в магазин купить какую-то мелочь. Обращаюсь к молодой продавщице. Надо сказать, что обычно в итальянских магазинах с покупателем обращаются любезно. Но на этот раз девушка, очевидно, решив, что я зашла просто из любопытства, торопливо ответила мне и тут же отвернулась. Я еще раз попросила показать нужную мне вещь. При этом добавила по-итальянски как можно мягче:

— Вы, наверное, очень устали?..

При этих словах продавщица изменилась в лице, испуганно оглянулась.

Когда же она увидела вошедшего в этот момент хозяина, вид у нее стал совсем несчастный. Но она тут же взяла себя в руки и с превеликой любовью стала помогать мне выбрать покупку. Я поняла, что чуть не подвела ее. Из-за пустяка она могла лишиться места, на которое хозяин всегда мог найти десятки других, более старательных и, главное, «неутомимых» работниц.

Вспоминается мне и другой эпизод.

...Роскошный зал «Ла Скала». Идет опера Гуно «Фауст». Партию Маргариты поет актриса Рената Скотто. Голос актрисы звучит чисто и нежно. Но что-то в нем заставляет меня насторожиться.

Я замечаю, что в самых сильных местах Скотто хитрит. Она обладает легким лирическим сопрано, но ей не хватает сильного центра. Нет, партия Маргариты ей явно не по силам, хотя она умело скрывает это под внешним изяществом исполнения. И чем громче звучат в зале аплодисменты, тем мне тревожнее за певицу. Я чувствую, какого напряжения стоит ей этот успех. Что же будет с ее голосом?

А произошла обычная для западного театра история. Скотто предложили спеть партию Маргариты на сцене «Ла Скала», и она не посмела отказаться, хотя лучше, чем кто-либо другой, знала свои возможности. Отказаться было выше ее сил. Ведь перед каждым, кто выступит на сцене «Ла Скала», куда приветливее распахиваются двери других театров.

Чем кончаются обычно подобные эксперименты? Иногда временной потерей голоса, а чаще тяжелым, хроническим заболеванием голосовых связок.

В театре «Ла Скала» есть специальная книга, где записывается стоимость каждого голоса в зависимости от его качества. Полтона выше или ниже, и уже значительная разница в зарплате. Недаром среди певцов «Ла Скала» стали крылатыми выражения: «Голос — мой бриллиант», «Беречь свое золото».

Малейшая неточность исполнения влечет за собой прежде всего изменение в зарплате артиста.

У «звезд», которых нам пришлось слышать, судьбы сложились довольно счастливо. Но и они не избавлены от страха перед завтрашним днем.

И еще об одном мне хотелось сказать.

В Италии до сих пор существует суровый закон, запрещающий разводы. Он разрешает супругам расстаться, жить врозь, но не дает права на вступление в новый брак. Таким образом, даже разъехавшись, супруги остаются, по существу, связанными на всю жизнь. Только смерть одного из них может принести освобождение другому. Этот чудовищный закон ведет к тому, что в Италии довольно часты убийства «из-за ревности».

Прогрессивные люди Италии борются за отмену этого закона, который всячески поддерживается церковью. Я не раз видела огромные демонстрации, которые проходили по улицам Милана с лозунгами: «Разрешить разводы!»

Записала М. УЛЬЯНОВА.

Впервые за восемнадцать послевоенных лет подруги-партизанки встретились в городе своей молодости — в Минске. Слева направо: Р. Рылова, М. Андриевская, Р. Фридрих, Л. Сомчинская, Н. Лисовец.

Фото М. Минковича.

З А Б Ы Т Ь

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Подвиги советских женщин из партизанского отряда «Родина» живы в памяти французских патриотов.

Жители города Эрвиль на востоке Франции великолепно помнят, как в лагерь для военнопленных прибыли семьсот советских женщин, истощенных, без одежды и обуви. Гитлеровцы прислали их на каторжные работы в рудники. Но ни каторга, ни унижения, ни тяжелые испытания не смогли подорвать их моральную чистоту и боевой дух. После четырех месяцев пребывания в лагере группе заключенных с помощью французских партизан удалось бежать. Они создали женский партизанский отряд «Родина».

Идеалы и интересы советских партизан обязывали их быть примером для французского народа, без поддержки которого партизанская борьба советских пленниц не была бы возможной.

Они боролись за общее дело, против общего врага, при этом русские рисковали гораздо больше, чем французы. Поэтому их связь с французским движением Сопротивления была крепче, чем любая другая связь между людьми. Мы не можем забыть эту совместную борьбу, не имеем права.

В те годы по поручению руководства Национального Фронта я был связан с партизанским движением. В женщинах из советского отряда «Родина» мы видели представителей великой Советской Армии, великого советского народа. Их кровь, пролитая на французской земле, скрепила навеки дружбу французского и советского народов.

Гастон ЛЯРОШ,
член Национального комитета Общества «Франция—СССР»

1

Учительница плакала. Это было неожиданно, почти невероятно — и слезы Ларисы Лукиничны и то, что она рассказала.

Бывает же так: она ведет класс уже который год, и ребята привыкли считать, что знают о своей классной руководительнице все. А может быть, самую интересную страницу ее жизни они открыли только сейчас. Да и то случайно: украсили класс к празднику, и рассказала Лариса Лукинична, каким запомнилась ей Первомай 44-го года...

...Их было несколько сот — советских женщин, узниц фашистского концлагеря Эрвиль на востоке Франции. Многие до того, как оказаться здесь, сражались у себя на родине в партизанских отрядах, прошли через долпросы и пытки в фашистских застенках. Где-то далеко милая Родина, а здесь плен: мрачные стены тесного барака, дорога, змеёй вьющаяся через лес, и шахта — место каторги. В четыре утра подъем, в одиннадцать ночи отбой, в четыре — подъем, в одиннадцать — отбой...

Нет, долго так продолжаться не могло. Чувство протеста, жившее в узницах, было так же глубоко и неугасимо, как сама ненависть к фашизму, принесшему им и их близким, всей их большой и мирной стране столько горя и невзгод.

— Бежать надо. Во что бы то ни стало бежать, — перешептывались, улучив момент, вчерашние разведчицы и связные.

Но пока это было только надеждой. Где взять силы? Куда бежать? И даже лагерное начальство было настроено довольно беспечно: «Ну куда может убежать полуголодный человек, да еще женщина, не зная ни местности, ни языка!»

Все началось Первого мая. В это утро во втором бараке на сигнал подъема никто не поднял головы. Над спящими застывала плеть старшего из охраны, но и это не помогло. Тогда конвоиры начали стаскивать с нар крайних и силой выталкивать их к дверям. Но пока они поднимали одних, другие возвращались на свои места.

Солнце стояло уже высоко над лесом, когда конвоирам, пустившим в ход при-

клады автоматов, удалось наконец вывести узниц из бараков.

Живой бесконечной лентой потянулась колонна по вытоптанной тысячами пар башмаков дороге. Только сегодня лента была не серой, как обычно, а яркой: все красное, что нашлось в скудном гардеробе узниц — кофточки, косынки, просто лоскутки материи, — они надели, повязали, приколотили на себя: праздник!

Сегодня никому не приходило в голову затянуть тоскливую, как жизнь на чужбине, песню с горьким названием «Баланда», ста шести куплетов которой обычно хватало на путь от лагеря до шахты.

— Кипучая, могучая,
Никем не победимая... —

вспыхивало в голове колонны.

— Как невесту, Родину мы любим, —

звенело где-то в середине.

Конвоиры были напуганы. Даже не зная языка, на котором звучали песни, не понимая в них ни единого слова, они чувствовали: это бунт, протест!

Когда колонна двигалась по окраине шахтерского городка, на балконы домов выходили привлеченные песней французы. Приветливые улыбки, руки, сжатые над головами. «День пролетарской солидарности», — говорили когда-то о Первом мае там, на Родине. Так вот она, солидарность, в нынешней небывалой демонстрации, в символических рукопожатиях братьев по классу!

В этот день женщины отказались работать установленные двенадцать часов. За два часа до прихода смены они вышли из шахты и потребовали, чтобы мастера передали хозяевам: «Так будет каждый день».

Вечером гаулейтер, выстроив перед бараками весь лагерь, потребовал выдать зачинщиков маевки. Зачинщиков? А разве они были? Разве хоть кому-нибудь нужно было напоминать, что нынче Первомай?

— На семь суток в карцер всех конвоируров!

Самых красивых из них отбирает лично гаулейтер.

— Подстричь!

Из-под машинки лагерного цирюльника падают на пыльную землю пряди каштановых волос Клары Черновой, золотистые — Сони Байковой, черные, будто смоляные, — Нины Агашковой. Горько девочкам: знают они, что во Франции стриженная голова девушки — клеймо позора.

Но что такое этот мнимый «позор» в сравнении с ярким светом, который зажег Первомай в глазах и душах узниц! И праздничный красный цвет и бодрые песни в колоннах до боли в сердце обострили чувство Родины. Сверкнув ярким весенним лучом, Первомай показал: концлагерь не сломил духа узниц. Нет, не узницы они — борцы!

— Теперь надо действовать, — решительно заговорила с подругами минчанка Надежда Лисовец. — Давайте готовиться к побегу. А бежать нам помогут.

Было ясно: Надежда уже что-то знала.

2

Если бы все здания, которые строила Надежда Иосифовна Лисовец, разместить на одной огромной строительной площадке, получился бы целый новый городок — со своим институтом, техни-

НЕ ИМЕЕМ ПРАВА!

кумом и несколькими школами, с консерваторией и киностудией, с детсадами и яслями, с поликлиникой, гостиницей и даже горсоветом. И понятно, почему начальнику строительного участка Лисовец присвоено почетное звание заслуженного строителя Белорусской республики.

Школу, где учителствует Лариса Лукинична Сомчинская, строила тоже она, Надежда Лисовец. Но впервые судьба свела их не здесь, а вдали от родной Белоруссии, в концлагере...

...Незадолго до Первой к Наде, отошедшей в сторонку с миской похлебки, подсел механик шахты француз Жорж Маньет. Как ни трудно объясняться на чужом языке, они друг друга поняли. Наде узнала самое для нее важное: в лесах Франции есть и советские партизаны!

Да, чтобы события начали развиваться так быстро, должно было произойти такое, как маевка. Разговор с самыми верными из девчат. Трое — Лисовец, Екатерина Семенова (тетя Катя, как звали ее в лагере) и Аня Михайлова — «Сорока» — берут на себя подготовку побега. Тайная встреча в лесу (вот где помогла беспечность надзора!): советский партизанский штаб и Национальный комитет Сопротивления прислали сюда своих представителей. Детально договорились обо всем: когда и как уходить из лагеря, где встречаться, как двигаться.

Уходили по-разному: десятками, тройками, в одиночку. Рая Рылова вывела свою десятку из колонны утром, по пути на работу. Там, где дорога делает петлю, часть колонны из поля зрения охраны выпадает. Одна за другой женщины, пригнувшись, отбегали в сторону, падали в траву и замирали, прикрытые темной, до исчезновения за поворотом последнего конвоира.

Другим удалось обмануть бдительность надзирателей во время перерыва или пересменки: отойдут в лес трое, вернутся двое, а то и одна. 8 мая в лагерь не вернулись Сомчинская и Андриевская, Алексева и Маслова, Парамонова, Байкова, Чернова, а всего тридцать семь женщин. В тот же день покинули лагерь и двадцать шесть обитателей мужских барачков.

К условленному часу все собрались вместе.

— Вот ваши проводники, — сказал вышедший из высокого кустарника Франсуа, уже знакомый Наде, Ане и тете Кате, и представил женщинам своих товарищей — десять, а может, и двенадцать рослых парней.

Впереди трое суток пути. Но успех побега решает эта ночь: сумеют беглецы раньше восхода солнца вступить в частый лес — им не так страшна и погоня. Не дойдут — будут обстреляны и переловлены любым, даже случайно встреченным отрядом оккупантов. И, выбиваясь из сил, люди не шли — бежали без малого тридцать километров.

Сколько раз за ночь идущих впереди пугало неожиданное появление на дороге вооруженных людей.

— Немцы!

Но проводники, чуть притормозив движение колонны, подходили к этим встречным, здоровались с ними за руку, о чем-то коротко переговаривались и продолжали путь.

Только вступив в лес, узнали беглецы,

что весь путь их следования патрулировали специальные группы французских партизан. Верные, беспокойные, ответственные друзья!

Теперь спать! Только спать! Оказавшись в относительной безопасности, люди вдруг почувствовали, до чего устали, и валились на землю как подкошенные. А те, кто встречал их здесь, на месте привала, сгорали от нетерпения: им хотелось поскорей накормить узников. Специально для них накануне вечером партизаны отбили у немцев целую машину офицерского провианта.

Пробиться к советским партизанам не удалось: находившийся на пути канал бдительно охранялся гитлеровцами. И тогда женщины создали свой партизанский отряд. Все, чем жили они эти годы, что помогло им выстоять даже перед лицом смерти, за что они готовы снова сражаться до последнего дыхания, они вложили в название отряда — «Родина». Партизаны Белоруссии и Псковщины вернулись в строй. Только теперь их партизанским домом стал лес в одном из восточных департаментов Франции. А враг тот же: фашистская свастика зловещим призраком висела над оккупированной Европой.

Сначала отрядом командовала Лисовец. Когда она заболела, ее сменила теть Катя.

3

На конверте надпись: «Розалия Захаровна Фридзон», — а в первой строчке письма: «Дорогая теть Катя». Что это, рассеянность отправителя? Нет, здесь все правильно. «Тетей Катей» до сих пор зовут своего бывшего командира партизанки отряда «Родина».

В белорусский городок Новогрудок, на улице Советскую, идут письма из Казани, Ленинграда и Орла, из Москвы и Копейска. «А помните, теть Катя?..» — пишут девчата (для нее они навсегда останутся «девчатами»).

— Помню ли? Да разве такое когда забудется!.. И права у нас нет ту войну забыть!..

...Около десятка шалашей — это лагерь «Родины». А в километре отсюда другой лагерь: бежавшие из Эрвиль мужчины создали свой отряд — «За Родину». Вместе они входят в большое интернациональное соединение, в котором сражаются и сербы, и поляки, и итальянцы, и французы... Значит, и в засаду вместе, и добытое оружие на всех, и боль за пролитую кровь общая.

Залегли вдоль дороги. Пятнадцать женщин, около тридцати мужчин. Потруненному зябко. Тревожно шумят над головами листья платанов.

— Как думаешь, долго еще ждать? — Это так, чтобы не молчать. Ни сама Леля Кабановская, ни Нина Алексева, к которой она обращается, ни даже Франсуа, ответственный за операцию, не знают, когда пройдет немецкая колонна. А что пройдет — точно, разведка выяснила это еще накануне.

Вчера же Франсуа, Лисовец, теть Катя и руководитель боевой группы Наде Дерех сходили к месту предстоящей засады. Выбрали удобные позиции, обсудили, как будут действовать.

Колонна появилась в полдень. По сигналу Франсуа партизаны открыли огонь. Цели — колеса машин, кабины водите-

лей. Вот осела на одрябшее вдруг колесо одна машина, вот, потеряв управление, валится набор вторая...

— Оружие! Две машины оружия! — радуется, подымавшись во весь рост, Франсуа и вдруг умолкает...

Ах, Франсуа, Франсуа! Или не видел ты, как из-за дерева, с той стороны дороги, целился прямо в твое сердце ненавистный враг?

Подбежавшие партизаны напрасно ждали от медсестры Марии Андриевской чего-нибудь обнадеживающего.

— Нет, — только и сказала она, бережно опуская на землю холодеющую руку убитого.

Из засады на базу не вернулись еще двое: русский и серб. Но в том же бою нашли смерть и семь гитлеровцев. Пятеро сдались в плен.

Были еще и засады, и налеты, и выходы в разведку... Санитарки выхаживали раненых, все, что мог, добывали продовольствие. Обычные партизанские будни.

Отряд вышел из лесов только после того, как земля Франции очистилась от оккупантов.

Путь на Верден, к месту соединения советских партизанских отрядов, лежал через деревни, хутора. И сколько было деревень и хуторов, столько встреч с сердечными и радушными людьми, с друзьями. Старушки протягивали идущим блюда с виноградом, банки варенья, фрукты, детишки и девушки — букеты цветов. В глазах у французов восхищение и благодарность.

А на площади в Вердене советских партизан и партизанок благодарил от имени всего французского народа один из руководителей движения Сопротивления. Женщины подтянулись и замерли, когда услышали знакомые имена: объявлялось, что Екатерина Семеновая и Надежда Лисовец присвоено звание лейтенанта.

4

Воскресным летним днем в одном из домов на улице Коллекторской, в городе Минске, встретились пять подруг. Одна — Раиса Николаевна Рылова, сотрудник химико-технологического института — прилетела на эту встречу из Казани, другая — пенсионерка-коммунистка Розалия Захаровна Фридзон — прибыла из Новогрудка. Из Дзержинска, что под Минском, приехала учительница Лариса Лукинична Сомчинская. А Мария Ивановна Андриевская — медсестра детской больницы — пришла пешком: она живет в самом Минске. Принимала гостей Надежда Иосифовна Лисовец, принимала в доме, который сама строила.

Они встретились через много лет после того, как отгремели последние залпы войны, но говорили и говорили о ней — о войне. И бомбардировщики над спящим городом — это война, и суровые партизанские ночи — тоже война, и похоронные с фронта, и тюрьма, и чужбина — все она же, война. Пусть никогда, ни в какой точке земли не повторится ничего подобного! Пусть торжествует жизнь!

Погруженные в воспоминания, сидят в тихой комнате на Коллекторской друзья-однополчане. У них словно свой маленький конгресс — отзвук того большого, Всемирного, что скоро откроется в Москве.

У карты родной страны

Инженер-оператор Елена Каравацкая

Забил фонтан сибирской нефти.

Фото А. Космакова.

Десять трудовых лет

Евгений АНАНЬЕВ

Полетов в тот день не было. Елена Владимировна Каравацкая, инженер-оператор Ханты-Мансийской геофизической партии, решила использовать свободный день для осмотра своей сейсмостанции. Работы хватало: где подпаять контакты, где проверить новую электрическую цепь, где подрегулировать приборы. Только после обеда она освободилась и решила отправиться в контору экспедиции, а уж оттуда — в город.

Дорога поднималась вверх по некрутому холму. Собственно, это была даже не дорога, а тропинка из аэропорта прямо в новый поселок экспедиции, выросший на окраине таежного города Ханты-Мансийска. Елена Владимировна шла не торопясь, машинально срывала ярко-красные ягоды спелой брусники, продолжая думать о своем: надо узнать план полетов на декаду, потом добыть на базе изоляционной ленты. И в универмаг сходить: горюжат, привезли миленькие шубки, может, есть Андриюшкин размер. Она мечтательно улыбнулась, вспомнила, как сынишка провожал ее в последний раз из Тюмени...

И вдруг услышала крик. Навстречу бежал человек:

— Из Шайма — нефть! Фонтан, понимаешь? Вчера вечером забил! Сейчас пробу привезли.

Дальше она не стала слушать. Вначале торопливым шагом, потом почти бегом бросилась к поселку.

В поисках подземных богатств

Когда впервые возникла мысль о сибирской нефти? На это сейчас трудно ответить. Во всяком случае, уже в старинных рукописях землепроходцев и

ученых, путешествовавших по огромной Западно-Сибирской низменности, упоминались многоцветные маслянистые круги и пузырчатые выходы горячего газа на реках и болотах. Но кому в то время было дело до подземных богатств «каторжной» Сибири? Даже известный географ и путешественник В. Семенов-Тянь-Шанский в обстоятельной книге «Западная Сибирь» утверждал, что этот район России «крайне беден полезными ископаемыми». Только Советская власть взяла под сомнение такое, казалось бы, незыблемое положение и опровергла его: кузнечик угли, руды Алтая, многие другие полезные ископаемые были открыты и поставлены на службу стране.

В 1934 году зачинатель советской нефтяной геологии академик-коммунист И. М. Губкин, с чьим именем связаны все новые месторождения «горного масла», уже высказывал предположения о том, что к востоку от Урала имеются богатейшие месторождения нефти. Но в то время у страны было много забот. Затем началась война. А сразу после войны нефтяники-разведчики вплотную занялись Сибирью.

Им пришлось осваивать огромные, почти не изученные геологами пространства непроходимой тайги и болот. Жесткие морозы, бездорожье, коварные топи, беспощадные тучи гусей и мошкары — не перечислить всех препятствий, какие стояли на пути искателей подземных богатств.

С первой сейсмопартией приехала в Сибирь и Елена Владимировна Каравацкая. В ее альбоме хранится фотография того времени: тайга, лесной завал, тяжелой преградой закрыли дорогу сваленные бурей или временем узловатые вековые деревья; около них стоит, глядя прямо в объектив фотоаппарата,

могучий лось, и, словно вытесняя его, входит в кадр трактор.

В один из первых своих зимних сезонов Елена вместе с сейсмической партией работала в Тарманских болотах, к северу от Тюмени.

Болота — поросший чахлами березками и осинками клочок хлопяющей суши. Они не замерзали даже в самую холодную зиму. Едва отвлеешься, ослабишь внимание — и трактор уже вязнет в податливой, коварной трясины. В самых трудных местах выручала собственная «дорога»: впереди стелился большой железный лист, трактор полз прямо по нему.

Нефть, расположенную на большой глубине, трудно обнаружить поверхностной разведкой. На помощь нефтяникам пришла геофизика. Сочетая достижения физики, математики, геологии и даже астрономии, она с помощью точных современных приборов глубоко «прощупывает» недра земли.

В геофизике ведущий метод — сейсмическая разведка. В мелкие скважины опускаются заряды. Подземный взрыв, своеобразное «маленькое землетрясение» — и взрывные волны проникают в толщу земли. В различных породах эти волны бегут с разной скоростью. Отражаясь, они улавливаются чуткими сейсмоприборами, а уж затем по скорости движения волн определяется состав скрывающихся в глубине пород.

В описании все выглядит просто. Но попробуй на морозе пробурить несколько скважин, заложить в них пачки тола, растянуть по глубокому снегу «косу» — так называется многожильный кабель с сейсмоприемниками на выходах!

С раннего утра Елену захватывал неудержимый поток малых и больших забот. Оператор выбирает места бурения скважин и установки станций, распоря-

жается передвижением отряда и производством взрывов, оценивает качество полученных лент и подает команду на обед. Словом, оператор — главная фигура в разведке.

Это трудно — сразу после учебной скамьи руководить коллективом, в котором каждый работник намного старше тебя. В своем неизменном полушубке и стеганых брюках Елена напоминала лихого пареня. И лишь поздно вечером, закончив работу и отдав распоряжения на завтра, она снова превращалась в молоденькую девушку, писала письма маме в Киев, скучала по старым подружкам и украдкой роняла слезинки.

Начальник партии Александр Шмелев понимал, что творится в душе его юной помощницы. Однажды они допоздна засиделись около походного костра.

— Александр Ксенофонтович, — спросила вдруг Елена, — как вы думаете: будет здесь нефть?

Шмелев ответил не сразу. Он долго рассматривал причудливые узоры подвального огня.

— Эх, Леночка, задай вопрос полегче. Одно знаю твердо: не пропадет труд. Здесь ли, в другом месте, сегодня ли, завтра ли, а нефть мы найдем. Ты только начинаешь, а я уже порядочно обхаживаю ее, проклятую. Даже во сне снится. Она для меня, понимавшая, живая и прячется, как живая.

Он смолк, подбросил в костер сухую лесинку и добавил уже весело:

— Не тушуйся, мы еще с тобой понюхаем эту нефть. Нашу, сибирскую!

Всякое бывало потом у оператора Каравацкой — и удачи и огорчения. Но и в самые трудные времена воспоминания о том вечере наполняли ее верой и бодростью.

Менялись партии, менялись их стоянки. Елена продолжала искать нефть. А нашла свою судьбу. Судьба явилась в облике рыжеволосого молодого радиста, приехавшего с берегов Байкала. Алексея Будникова назначили радиотехником отряда.

Они пожили примерно через год после знакомства. А еще через год родилась дочь Сашенька. Геофизики стояли тогда в поселке Заводоуковском. Алексей работал за Елену оператором. Из родильного дома он привез жену и дочурку на специализированной машине — сейсмостанции. Часто потом шутили товарищи:

— Быть вашей дочке геофизиком. Только на свет появилась, сразу на «профиль»¹.

Сведущие люди говорили:

— Ну, кончилась оператор Каравацкая. Ребенок появился — забудь о полевой работе.

Но Елена думала по-другому. Ей не хватало трудных ночевок в тайге, и привычных волнений вокруг каждой «точки», и всей этой обстановки ожидания открытий. Она вызвала из Киева маму, а сама при первой возможности снова вышла «в поле».

Так и работали они «семейным отрядом»: жена — оператор, муж — ее помощник, радиотехник.

Жизнь шла своим чередом — кочевая и беспокойная. Они по-прежнему ездили вместе. В сибирском селе Суерском появилась на свет вторая дочь, Наташа,

¹ «Профиль» — рабочий маршрут геофизической партии.

в Тюмени — сын Андрейка. А разведка сибирской нефти и газа теперь переместилась далеко на север. Туда Елена Владимировна поехала одна. Она впервые расставалась с Алексеем — он отправился на юг. Правда, это был особенный юг, южнее которого уже нет ничего. Когда самолет доставил оператора Елену Каравацкую из Тюмени в Ханты-Мансийск, дизель-электродвигатель оператора Алексея Будникова в Антарктику.

„Воспитатель“ машины

Подступала очередная зима. Не только люди, но и техника страдала от морозов. Сейсмостанция часто выходила из строя. Ее оберегали, как больного ребенка: кутали в ватные чехлы, густо смазывали, при всяком удобном случае таскали в теплое помещение.

«Чего боится станция? — задумалась Елена. — Мороза? Вряд ли. Скорее всего, станцию выводит из строя смена температур. Избавиться от холода мы не в силах. Может быть, избавиться от тепла?»

Она посоветовалась с начальником партии.

— Это мысль, — поддержал тот. — Давай попробуем.

Не без внутренней тревоги начала Елена «закаливание» станции: очистила ее от всякой смазки, освободила от всех чехлов и прочих «грелок». И каждое утро со страхом думала: что-то случится! Но ничего не случилось. Станция вела себя на редкость прилично. Приезжавшие на «профиль» инженеры удивлялись: почему у Каравацкой, известной своим бережливым отношением к технике, станция в таком запущенном виде? Узнав, в чем дело, коллеги еще придирчивей следили за показаниями приборов. И не могли не согласиться: да, избранный режим — самый удачный. Но тут же оговаривались: а как сезонная смена температур? Нужно дожидаться, что скажет весна.

Едва окрепли дороги, Каравацкая взяла станцию и отвезла ее на тракторе в мастерскую. На душе было неспокойно: что покажет осмотр?

Напрасно тревожилась Елена: ни холодная зима, ни мокрая весна не повредили сейсмостанции. Специалисты проверили ее в работе.

— Порядок. Ты, Лена, оказывается, и машины перевоспитывать можешь, — одобрительно рассмеялся Шмелев. Старший инженер управления, он должен был дать окончательную оценку новому методу. — Шутки шутками, — добавил он, — а мы этот метод берем на вооружение.

...Круг поисков расширялся. Новые партии и целые экспедиции уходили на север, к полуострову Ямал, и на восток, в среднее течение Оби. Уже появились ветераны; знатоки геологии района. Немало среди них и женщин. Старший геофизик Тюменского геологического управления Эмилия Резникова, начальник тематической партии в Березово Лилия Климушина, старший геолог Ханты-Мансийской экспедиции Любовь Чуб, геолог полевой партии Мариана Ильина, геофизик Ирина Петрова — разве назовешь всех, кто ходил в таежные походы, жил в санях вагончиках и маленьких стойбищах, не уступая мужчинам ни в знаниях, ни в выносливости!

Наконец на всю страну прогремело Березово — небольшой поселок в низовьях Оби, где забил первый газовый фонтан Сибири. Правда, Елена не имела к нему отношения: их партия работала южнее. Но счастливая находка окрылила всех: раз есть в Сибири газ, будет и нефть!

Недолго Березово было одиноком. Вскоре появился газ на соседнем Аясском месторождении, потом в хантыйском поселке Полновате, затем в игримской группе буровых. И вот уже вслед за геологами вышли в тайгу проектировщики — они готовили трассу газопровода Игрим — Серов. А само Березово стало первым газифицированным поселком обского Севера.

По-прежнему шагала по тайге и Елена Каравацкая. Десять походных лет... Но нефти все не было. Где она здесь, под каким болотом, за какой таежной глухоманью? Когда партия работала в Шаимской тайге, на самой границе Урала, в Сибири появились реальные надежды на нефть. Геофизики указали место буровой, а сами, как это всегда бывает, пошли дальше, вниз по реке Конде.

И вот сейчас... Даже не верится...

Запах нефти

Знакомая дорожка от края холма до конторы экспедиции показала на этот раз бесконечной. Но Елена Владимировна все-таки сдержалась, спокойно вошла в кабинет начальника экспедиции.

— Говорят, нефть из Шаима привезли! Можно посмотреть?

Кто-то подал ей бутылку с темной маслянистой жидкостью. Она отлила немножко в стеклянную пепельницу, зажгла спичку. Комната наполнилась характерным запахом горячей нефти.

...В Шаиме родилась первая промышленная нефть Западной Сибири. Вскоре на востоке Западно-Сибирской низменности появился еще один фонтан — Мегионский. Затем Сургут, Каменный, Усть-Балык. Нынче здесь уже насчитывается почти двадцать крупных газовых и около десяти нефтяных месторождений. Разведчики подземных богатств стоят на пороге новых открытий. Они твердо уверены: в бывшей таежной глухомани будет создано «Третье Баку» — новая мощная нефтяная база Советского Союза. А совсем недавно большую группу первооткрывателей сибирской нефти наградили орденами и медалями СССР.

Елена Владимировна Каравацкая по-прежнему работает в ставшей ей родной Сибири. Теперь она оператор сейсмической лаборатории недавно образованного научно-исследовательского института. Большой опыт помогает ей разрабатывать новые методы разведки нефти и газа. Здесь же трудится вернувшийся из Антарктики Алексей Иванович Будников. А ребята уже подросли: самый младший, Андрейка, в школу пошел.

Лето — и снова в походе Елена Владимировна. Опять гулко ухают мирные взрывы, сейсмостанция, старательно собирает сигналы подземных глубин.

Много позади маршрутов у Елены Владимировны Каравацкой. Не меньше их и впереди. Но всегда будет жить в памяти тот теплый осенний день, узякая тропинка с желтеющими лиственницами и красной брусникой на обочине...

г. Ханты-Мансийск.

ДОЗОРНЫЕ МИРНОГО НЕБА

Матрена БРАТИЙЧУК,

кандидат физико-математических наук, начальник станции наблюдений искусственных спутников Земли при Ужгородском университете.

Когда сумерки опускаются на землю и в вышине вспыхивают огоньки звезд, выходят на пост дозорные неба. Я имею в виду не тех ученых-астрономов, которые в своих обсерваториях изучают небесные светила, а астрономов совершенно нового профиля, каких никогда еще не было на свете, — наблюдателей искусственных спутников Земли.

Постоянные наблюдения за спутниками ведутся по всему земному шару. На территории Советского Союза имеется около 100 специальных станций наблюдений, разбросанных по всей стране. Наша Ужгородская станция находится на крайнем западе, у самой границы. Спутники обычно движутся с запада на восток, поэтому в Советской стране мы встречаем их первыми, а затем, как по эстафете, передаем следующим станциям, все дальше и дальше, пока спутник не потонет во мраке ночи или не растает в ярком свете солнечных лучей, а то и просто скроется по ту сторону планеты, чтобы через полтора-два часа вновь вынырнуть на нашем горизонте...

Местонахождение нашей штаб-квартиры — горка Кальвари за Ужгородом. Это небольшой домик и открытая площадка, окруженная виноградниками. Станция оборудована вполне современными приборами и аппаратами. Здесь и специальные радиоприемники, и импульсная приставка, и самозаписывающиеся хронографы, и хронометр, и многое другое. А на площадке в ряд выстроились, устремив окуляры в небо, оптические трубки; под куполами покоятся астрономические фотокамеры — приборы для фотографирования спутников.

Тесно нынче в небе. Десятки искусственных спутников бороздят околоземное пространство. Не успеет один скрыться с глаз, как на смену ему летит уже другой, следующий. На своем участке, например, в часы «пик» (а наши часы «пик» — это поздний вечер или раннее утро, когда на земле темно, а летящий на большой высоте спутник еще (или уже) освещен солнцем), мы «пропускаем» до 8—10 космических объектов в ночь, самых разных размеров и назначений — гигантские советские корабли-спутники и миниатюрные американские «апельсины»; яркие, как фейерверк, и такие тусклые, что с трудом и заметишь; иной спутник промелькнет, только светящуюся черточку прорежет, а другой минут десять будет виден на небосклоне. И каждый из них мы должны встретить и засечь, сфотографировать, записать в журнал, нанести на карту.

Этим мы и занимаемся. Зимой и летом. Только бы было ясное небо!..

Мы — это наш маленький коллектив: три научных сотрудника — Ира Швалагин, Галя Москалева и Аня Кириченко, лаборант Слава Миронок и я.

Как видите, кроме лаборанта, весь состав — женский. В этом отношении наша станция, пожалуй, единственная в мире.

Впрочем, в действительности нас, наблюдателей, не пять, а гораздо больше. У нас есть многочисленные помощники — студенты Ужгородского университета.

О прохождении каждого спутника Вычислительный центр из Москвы предупреждает телеграфом заранее, примерно за сутки. Подготовка к встрече начинается задолго до указанного срока. Часов в пять дня (а в зимние месяцы гораздо раньше) один из дежурных научных сотрудников — дежурство, как правило, несут два наблюдателя — включает приборы службы времени, второй на основании данных Вычислительного центра путем математических расчетов определяет координаты спутника на небе — в районе каких звезд он должен пролететь. Проверка времени и вычисления занимают несколько часов, и в этом нет ничего удивительного: для астрономических наблюдений нужна совсем особенная точность. Время должно быть измерено до тысячных долей секунды. Даже самый совершенный хронометр — и тот не в состоянии обеспечить такой точности. Его приходится проверять и корректировать с помощью специальных сигналов точного времени, передаваемых на определенных радиоволнах различными радиостанциями мира, в том числе и Москвой.

Ближе к вечеру являются студенты. Научные сотрудники направляют оптические приборы на соответствующий участок неба, где ожидается появление спутника, дают студентам последние наставления, вручают каждому секундомер и...

Внимание!
Тихо становится на площадке. Неподвижно застывают у своих визиров наблюдатели-добровольцы. Ира и Аня (скажем, сегодня дежурят они) запускают моторы фотокамер...

Так проходит минута, другая. А потом снова оживает площадка. Студенты возбужденно делятся впечатлениями. Ира и Аня, сняв показания наблюдателей и приборов, спешат в домик обрабатывать результаты наблюдений, а через час-полтора в Москву уходит подробное телеграфное донесение о проведенном сеансе.

Но вот проследовал последний спутник. Уходят домой студенты, ложится прикорнуть Ира, только одна Аня про-

должает орудовать у своих радиоаппаратов: сигналы времени надо принимать каждые два часа круглосуточно. На станции наступает затишье. Но ненадолго. Перед рассветом снова появляются студенты — новая партия, к утреннему сеансу. Опять наблюдения, проверки, расчеты, донесения, а затем проявление фотопленок, вычисление координат спутников...

Читатель вправе спросить: а зачем нужны все эти наблюдения? Разве ученые, запуская спутник, не рассчитывают заранее его орбиту?

Конечно, рассчитывают. Но весьма приблизительно. Астроном может точно предсказать, где окажется та или иная комета, звезда, планета через десятки, через сотни лет. А вот рассчитать с такой же точностью движение искусственных тел он не может. Дело в том, что спутники в отличие от природных небесных тел движутся не в безвоздушном пространстве, а в пределах — пусть даже разреженной — земной атмосферы, которая в какой-то степени воздействует на них, тормозит их движение. Значит, если мы хотим как можно точнее знать истинную орбиту спутника, мы должны непрерывно вносить в первоначальные расчеты поправки и исправления. А это можно сделать только путем постоянных наблюдений за ним, причем с возможно большего количества точек на нашей планете.

Приходилось мне слышать и другого рода вопросы: а так ли уж важно знать, отклонился ли спутник от расчетной орбиты или не отклонился? Ведь все равно ничего изменить или исправить нельзя.

Очень важно. Спутники, это величайшее достижение человеческого разума, неизмеримо расширяют наши познания Вселенной. Зная, как влияют на движение искусственного тела те или иные условия и факторы, ученые, в частности, смогут не только уточнить орбиту летящего уже спутника, но и более точно рассчитать движение новых спутников и космических кораблей, по отклонениям и изменениям орбиты судят о плотности атмосферы на разных высотах, об изменении силы тяжести, определяют истинную форму Земли и т. д.

Вот для этого-то и создана такая густая сеть станций наблюдений.

Вспоминается мне, как это начиналось. Весной 1957 года я, тогда совсем еще молодой преподаватель физики Ужгородского университета, получила вдруг извещение из Москвы о том, что меня и еще одного преподавателя Астросовет при Академии наук СССР направляет в Туркмению на курсы по подготовке наблюдателей искусственных спутников

Земли. Поехала с радостью, хотя, правду сказать, не очень-то ясно представляла себе будущую свою деятельность. В то время о космических полетах если и говорили, то только как о мечте.

Слушателями курсов были все молодые физики и астрономы из разных университетов страны. Занимались мы в чудесном уголке Фирюзинского ущелья Колет-Дага. Разумеется, обучение шло преимущественно теоретическое. Хотя... Была у нас и «практика». Заключалась она в том, что один из слушателей поднимался на гору и там ходил с зажженным фонариком взад-вперед, а мы должны были засечь «спутник» на фоне ночного неба и нанести его на звездную карту. Со стороны посмотреть — детская забава, а она впоследствии сослужила нам большую службу.

Через два месяца вернулась домой. Надо было создавать станцию. А как? Ни опыта — да и откуда ему взяться? — ни людей: весь штат — я одна, да и то «по совместительству». Не знаю, что бы я делала, если бы не студенты. Толпами приходили они ко мне с предложением своих услуг. Многие и от канкулов отказались, все лето готовили площадку, ставили антенну, монтировали радиостановку... Они, собственно, и построили станцию, они же стали и первыми ее бескорыстными и неутомимыми сотрудниками.

Тут мне хотелось бы сказать несколько теплых слов о нашем университете. Это едва ли не самый молодой университет в Советском Союзе — он был создан в 1945 году. Первый университет Закарпатья! Мог ли мечтать об университетском образовании для своей дочери или сына гуцульский бедняк при власти чехословацких капиталистов или венгерских помещиков?!

Еще в 1956 году, когда я только приехала из Киева в Ужгород и стала читать физику, мое внимание привлекла студентка второго курса Ира Швалагин, дочь деревенского кузнеца-гуцула из Мукачевского района. Она покорила меня своей увлеченностью астрономией, и на этой почве у нас завязалась с ней дружба. Под стать Ире была и первокурсница Аня Кириченко. Поступая в университет, она категорически заявила на приемной комиссии: «Я буду или астрономом, или вообще никем». С первых же дней основания станции наблюдения Ира и Аня стали моими ближайшими помощницами.

И вот долгожданное свершилось. 4 октября 1957 года состоялся запуск первого в мире искусственного спутника, а 6 октября в утренние сумерки мы его наблюдали.

Накануне с вечера на площадке уже яблоку негде было упасть. Третий курс физико-математического факультета явился в полном составе. Никто, разумеется, в эту ночь спать не ложился.

Спутник увидели сразу двое студентов, и все мы им завидовали. И вдруг... Этого уже никто ожидать не мог: двое других ребят вне себя от восторга объявили, что видят еще один летящий объект. Но ведь известно, что спутник-то запущен один! Не галлюцинация ли? Такие вещи в нашем деле бывают. Но, с другой стороны, галлюцинация сразу у двоих? На всякий случай, чтобы не обидеть юношей, передали в Вычислительный центр сообщение о двух объектах. А ве-

Дозорные на посту. Ира Швалагин нацелила объектив своей фотокамеры в небо, где вот-вот должна появиться стремительно летящая звездочка. Зафиксированный на фотопленке след спутника среди звезд позволяет определять его положение и орбиту гораздо точнее, чем при визуальных наблюдениях.

Фото В. Чмыря.

чером все разъяснилось. Оказывается, летящих тел действительно было два: спутник и его ракета-носитель.

Ужгородская станция наблюдений ИСЗ начала свою работу.

С тех пор прошло шесть лет. Многое изменилось на нашей станции. В 1958 году пришла к нам в штат молодая астроном Гая Москалева, уроженка Тульской области, окончившая Ленинградский университет. На следующий год по окончании университета осталась работать наблюдателем Ира Швалагин, еще через два года — Аня Кириченко. Все три — комсомолки, все три твердо решили посвятить себя научной работе в области астрономии, и все три одновременно и вместе готовятся к сдаче кандидатского минимума.

Тысячи наблюдений сделала уже наша станция. Мы узнаем спутники с первого взгляда — по виду, по яркости, по манере полета. Обычная наша работа...

Но есть и наблюдения особенные, такие, что запомнятся надолго, может быть, навсегда. Самыми памятыми я считаю два события, которые всех нас

буквально потрясли. Первое — это полет Титова. Корабль Гагарина нам увидеть не удалось, а Титова — видели. Пусть это была лишь сверкающая звездочка, но одно сознание, что в той «звездочке» находится человек и что человек этот — наш соотечественник, наполняло нас чувством восторга. А второе — вечер 12 августа 1962 года. Мы ждали пролета одного из космических кораблей типа «Восток» и готовились к нему. Но то, что мы увидели, нам и во сне не снилось: в объективе трубки прошло сразу... пять звезд. Целое созвездие! Впереди спутник типа «Космос», за ним космические корабли «Восток-3» и «Восток-4», а по бокам их, словно почетный эскорт, две ракеты-носители.

Скоро на нашей площадке появится еще одно сооружение — маленькая, но настоящая обсерватория с телескопом. Это будет первый в Закарпатье телескоп. Мы будем наблюдать уже не только искусственные спутники, но и более далекие небесные тела: планеты, туманности, звезды... А звезды всегда влекут!..

г. Ужгород.

Мирлицеск, Фрузья!

3. ТИМОФЕЕВА

Приметы нового во всем

„И так, передо мною долина Слез... Позади, в нескольких сотнях метров, тянется улица, где раздаются звонки бегущих трамваев. А здесь... Волны зловония наплывали на меня одна за другой... Весь откос покрыт гниющими отбросами, мусором, предметами, пришедшими в негодность...

Мне представлялось, что долина Слез — пустыня, мертвое море, проклятый край. Но впервые я понял, что холмики, которые я считал кучами мусора, в действительности землянки. Из одной вышла женщина. Потом ребенок. Долина Слез населена. Среди мусорных куч на этой смрадной земле живут люди...»

Такой увидел румынский писатель Джоэ Богза одну из окраин Бухареста в 30-х годах нынешнего века. Район, словно в насмешку, носил поэтическое название Флоряска (в переводе на русский — Цветочная), но с метким добавлением — «яма». «Цветочная яма». Здесь кончался асфальт и канализация, начиналась грязь, зловоние, длинный ряд саманных домишек, керосиновые лампы, сухой кашель...

О когда-то прочитанном я вспомнила, проезжая по нынешней Флоряске. Никаких следов «ямы» я не обнаружила. Широкие, прямые улицы одеты в асфальт. На табличках надписи: улица Глинки, улица Рахманинова, улицы Модарта, Шолена, Бетховена... Ансамбли жилых кварталов, многоэтажные здания приятных пастельных тонов. В первых этажах — магазины, кафе, пункты бытового обслуживания. Здесь же, рядом, школы, детские сады, ясли. Это сегодняшняя Флоряска. И живут в новом районе люди по-новому.

Мы идем по улице Глинки. На доме № 5 табличка: «Библиотека де каса» («Домашняя библиотека»). Входим в квартиру. нас встречает хозяйка дома Елена Леонард. Более четырех лет тому назад открыла она у себя в доме библиотеку. Желающих по-

лучать книги оказалось много. Вести записи в формулярах читателей Елена помогают сын Помпилиу, он учится в 8-м классе, и дочь Габриэла, ученица 6-го класса. На помощь иногда приходит и десятилетний Дан — он сообщает соседям о предстоящей читательской конференции или собирает своих сверстников, чтобы послушать сказку про Гуся в исполнении самого автора — детского писателя Григори Веженару.

Елена Леонард.

Там же, во Флоряске, я познакомилась с женщиной из кружка чтения, которым руководит член женской комиссии квартала Елена Чупе.

В квартире одного из членов кружка собрались домашние хозяйки. Завязалась оживленная беседа. Женщины расспрашивали меня о Москве, о советских людях, о делах наших женских советов. Я, в свою очередь, попросила их рассказать о кружке. (Мне уже до этого довелось слышать много хороших слов о кружках чтения, о том, насколько они популярны у женщин Румынии.)

В кружке у Елены Чупе 18 домохозяек. Они регулярно собираются все вместе, чтобы почитать новую книжку или обсудить важную статью в журнале, послушать беседу учителя из соседней школы или посоветоваться с врачом. А то и просто поговорить по душам, помечтать. Услышала я в тот вечер и о том, как проходили в кружке беседы о композиторах, чьи имена носят улицы их района, а потом члены кружка все вместе

слушали в Атенеуме музыку великих мастеров; об экскурсиях в Дом «Скнштейн» (крупнейший в стране полиграфический комбинат) и о том, как 22 апреля собрались женщины, чтобы послушать беседу о Владимире Ильиче Ленине, прочитать стихи Маяковского.

Нет, члены кружка не только слушают, читают, знакомятся с искусством. Они и действуют, помогают строить быт по-новому: одни контролируют работу хлебозавода, другие следят за порядком в магазине, третьи организуют досуг детей.

...Молодеют старые города Румынии, рождаются новые. Тысячи семей вселяются ежегодно в благоустроенные квартиры. И всюду — в новых домах Бухареста и Бакэу, Пятра-Нямца и Клужа — я видела сверкающие чистотой подъезды и лестничные клетки, посадки молодых деревьев во дворах, детские игровые площадки. Заслуга в этом принадлежит женщинам-активисткам. Общественницы возглавили соревнование за самый чистый дом, лучший подъезд, за красивый балкон, зеленый двор. В стране широко развернулось движение бригад патриотической работы. Бригады благоустраивают улицы, площади, дворы своих городов, высаживают деревья, кустарники, а потом ухаживают за ними. Труд этот добровольный, бескорыстный, труд на пользу общества.

В труде человека — его характер

Завод «Электроника» в Бухаресте. Огромные светлые корпуса, новейшее оборудование, тысячи рабочих, среди них немало женщин. А рядом с заводом, во дворе, несколько барачков — это все, что осталось от бывших мастерских «Филиппса», принадлежавших голландской компании.

Обо всем этом нам рассказывает секретарь партийного комитета завода. Он с нескрываемой гордостью показывает новые модели телевизоров, радио-

приемников и очень много и тепло говорит о людях.

— А сейчас я вас познакомлю с Анастасией Велику, нашей лучшей прессовщицей, — заканчивает он.

В партком входит женщина в синем рабочем платье, лет сорока. Знакомимся. Сначала разговор не клеится: вопрос — ответ, вопрос — ответ. Потом Анастасия начинает говорить все охотнее, так что переводчик едва поспевает переводить.

...Хорошо помнит Анастасия день, когда, похоронив отца, она в 14 лет осталась совершенно одна — ни родных, ни друзей. Помощи ждать неоткуда, надо искать работу. Забота о хлебе насущном и привела ее в мастерские «Филиппса».

— Десять часов изнурительного труда в тесном, душном, плохо освещенном помещении, — рассказывает Анастасия. — А кончится неделя, и получить нечего. Надеяться на то, что приобретешь здесь профессию, не приходилось — это не для женщин, их удел — подсобный труд. Не знаю, что стало бы со мной, если б не народная власть...

Анастасия Велику.

В 1948 году, когда правительством республики были национализированы предприятия и в их числе мастерские «Филиппса», Анастасию послали на курсы. Там она получила профессию прессовщицы. Вот уже 14 лет работает Анастасия на прессе. Сотни тысяч деталей прошли через ее неутомимые руки.

Девушки из текстильного цеха комбината «Релон-ролан» со своим мастером Ионом Качулату.

Правильно говорят, что в труде человека раскрывается его характер. Для Анастасии мало добросовестно работать, норму выполнять, ведь можно сделать больше и лучше. Условились как-то со своими сменщиками передавать и принимать автомат без остановки, на ходу, попробовали — получилось хорошо: экономия времени, деталей больше. Свой опыт Анастасия передает другим, обучает молодых рабочих. К Анастасии Велику на заводе относятся уважительно, с почтением. Помогает заводской коллектив и дочерей растить (муж умер, когда они были совсем крошечными). Сейчас Софика и Аурика заканчивают седьмой класс.

— Мне завод все дал, — говорит Анастасия. — Как же мне не ответить тем же? Вся жизнь моя тут...

Город Сэвинешть. Завод «Релон-ролан». Изготавливают на нем искусственное волокно. Всюду молодые, веселые лица. На девушках коричневые брюки, салатного цвета блузки и кофточки, на юношах синие комбинезоны. Все это в сочетании с цветным пластиком на полу, с белой сетью тонких блестящих нитей капрона, пушистых — релона на прядильных автоматах создает радостную обстановку.

Завод вырос недавно, в 1958 году. Средний возраст рабочих — 24 года, большинство со средним образованием. На каждые 15 человек один инженер. Это примета времени. В народной Румынии растут предприятия, оснащенные новейшей техникой, и в рабочий класс вливается молодежь образованная, культурная. И это в стране, где всего лишь 15 лет назад более миллиона детей не

посещали школу, пополняли ряды неграмотных...

Эта молодая поросль румынского рабочего класса полна жизнелюбия и увлеченности трудом своим, заботы о товарищах, о своем цехе, об успехах родного завода.

На заводе работает женская комиссия. Дел у нее множество: и последить за работой детских яслей, садов, и посмотреть, как готовят в столовой, и поинтересоваться комнатами гигиены. Несколько девушек собираются вскоре сыграть свадьбы — женская комиссия поручает опытным людям, врачам побеседовать с ними, заранее думать о подарках для новобрачных. И о молодых матерях надо позаботиться, научить их, как ухаживать за ребенком. А производственные дела! Случается, еще и брак допускают некоторые работницы и трудятся не в полную силу.

Стоит в цехе на самом видном месте стенд. На нем весы: на одной чаше — волокно или нить, на другой — изделие. И тут же надпись: «Экономия 7 граммов волокна — косянка, 12 граммов капроновой нити — пара чулок». Наглядно и понятно каждому. Стенд этот — тоже дело рук женской комиссии.

Быстро идет в рост, набирается сил народная Румыния. Наши румынские подруги вместе со всем народом творят, создают, радуются жизни. Их энтузиазм, творческую инициативу постоянно поддерживают и развивают женские организации. В каждом коллективном хозяйстве, жилом квартале имеются такие комиссии; во всех районах, городах и областях — женские комитеты, а во главе — Националь-

ный совет женщин страны. Рабочая партия Румынии высоко ценит труд своих верных помощников — женщин-общественниц.

Имени советского воина

В центре города Клужа на площади стоит небольшой скромный обелиск. Как-то, проходя мимо памятника, я заметила у его подножия букетик ярко-красных гвоздик. Зима, мороз, а на снегу, словно капельки крови, алеют живые цветы. «Здесь братская могила советских солдат, — объяснили мне. — А гвоздики эти не случайность. Почти каждый день появляются у обелиска свежие букеты. Их приносят жители города, а чаще ребята. Побывайте в школе имени Джорджи Кожбука, там вам расскажут о памятнике, о цветах...»

И вот я в школе. Директор, она же и председатель областного комитета женщин, Аугуста Чобан показывает учебные кабинеты, мастерские, спортивный зал, знакомит с ребятами и учителями.

— А это наша ученица Лучия Микля, — говорит Аугуста, представляя нам черноглазую девочку с милым живым лицом. — Она и расскажет вам о памятнике...

Лучия Микля очень хорошо помнит этот день. Из городского комитета Союза трудящейся молодежи принесли в школу письмо. Оно было написано по-русски. В нем говорилось: «Дорогие друзья! Мы недавно узнали от товарищей, что наш сын и брат Николай Курбаков погиб в дни войны против фашизма в боях за Клуж и похоронен где-то в вашем городе... Мы очень просим разыскать его могилу, сфо-

тографировать ее и прислать нам снимок. Николай очень любил детей. Он учился в педагогическом институте и готовился стать учителем... Помогите, пожалуйста, найти могилу нашего Николая...»

Внизу стояла подпись: «Мать Николая Анна Ивановна Курбакова и сестра Тая». На конверте обратный адрес: «Село Пятино, Ромодановского района, Мордовской АССР».

— Наш отряд шестого класса, — рассказывает Лучия, — получил задание разыскать могилу, где похоронен советский танкист. На обелиске над братской могилой, которую вы видели в центре города, среди фамилий других советских воинов, погибших в боях за наш родной Клуж, мы прочли: «Курбаков Николай Петрович». Сфотографировали братскую могилу и фото с письмом послали в Советский Союз, родным Николая Петровича.

Вскоре от Анны Ивановны и Таи Курбаковых пришел ответ. Они благодарили нас за снимок. А совет дружины присвоил отряду имя Николая Курбакова.

Каждый год Первого мая, в День Победы, 23 августа — в день освобождения Румынии от фашизма — и 7 ноября у братской могилы советских воинов выстраивается почетный караул ребят в красных галстуках. Караул несут пионеры отряда имени Николая Курбакова.

* * *

Мы, советские люди, всем сердцем радуемся успехам наших друзей. Приятно было видеть, каких огромных побед добился румынский народ, как высоко поднялись румынские женщины — труженицы и гражданки.

Перед отъездом на родину друзья спросили меня: — Ну, как вам понравилась Румыния, наши женщины?

Этими заметками я попыталась ответить на их вопрос.

От всего сердца благодарю наших коллег — журналистов женских журналов «Фемейи», «Долгозоне» — за теплоту встреч, за то, что помогли мне увидеть новое, каждодневно рождающееся в Румынской Народной Республике, познакомиться с замечательными людьми.

Мульдумеск, друзья! Спасибо!

В добрый час!

Л. СЕРГЕЕВА

Рисунки Б. Пашкова.

Знаком ли вам чудесный обычай, существующий в латышских школах? За несколько месяцев до экзаменов на аттестат зрелости на торжественном вечере выпускникам вручают особые почетные значки. Значки эти у каждой школы свои: в Лимбажи — буревинок и встающее из моря солнце, в Собиле — гроздь северного винограда, в Свитене — бело-голубой квадратик на серебряной цепочке.

Может быть, именно в памятный день получения значков выпускники трех школ из маленьких латышских городков приняли решение, определившее их дальнейшую судьбу.

Мальчишки из Лимбажи — ядро класса — два года жили в одной комнате в интернате. Конечно, они были очень разные: спокойный и скромный Анс Жигурс, бесшумный «комендант общежития»; Виктор Федоров — умница, но не без ехидства в характере; положительный, компанейский Андрей Леэдыньс; глава школьных комсомольцев Коля Тубин.

Но они были настоящими друзьями. Они и представить себе не могли, как это их класс, с которым у каждого связано главное — и трудное и счастливое — в жизни, их класс, «ударник семилетки», награжденный райкомом комсомола портретом Ленина, вдруг перестанет существовать? И мечта никогда не расставаться, мечта расплывчатая и немного наивная, переросла постепенно в конкретное и непреклонное решение: всем классом поехать на какую-нибудь крупную новостройку в Сибирь.

И вот в школе зазвучало: Дивногорск. Дивногорск, город строителей Красноярской ГЭС, для них стал самым заманчивым местом на земном шаре.

Самое трудное оказалось сагитировать родителей. Даже если мама про-

сто вздыхает и просто смотрит на тебя такими глазами, словно ты собираешься по меньшей мере на Луну, — это и то тяжело. Ну, а если дома только и слышно: «Вилнис, там морозы в шестьдесят градусов!», «Говорят, там питание плохое, Астрид, там и картошки нет...», «Наверное, ты получишь медаль, Инара, куда же ты едешь?!», — принять решение, оказывается, и вовсе не просто.

А потом в Свитене и Собиле приехал Леша Медведь, представитель комитета комсомола Красноярской ГЭС.

Кроме фамилии, ничего сибирского в представителе не оказалось. Это был загорелый парень в новом костюме, с папкой на «молнии», складный и светлоглазый. Он сказал, что сейчас у них, в Дивногорске, жара, что здесь он просто мерзнет и что, наверное, это очень тяжело жить в таком дождливом климате. Он рассказал о будущей Красноярской ГЭС, о строительстве, о своих товарищах — крановщиках и бетонщиках — так подробно, как не писали ни в одной газете.

Леша Медведь говорил: «Работа у нас, ребята, тяжелая. Сначала получите лопаты, ломки — и давайте вкалывайте...» Потом он отвечал на вопросы: о столовой, о валенках, о комарах, о кино. Потом кто-то спросил: «А моды у вас какие? Ну, ширина брюк и прочее...» Леша принял вызов. «Брюки нормальные, — он окинул присутствующих веселым взглядом, — семнадцать сантиметров...»

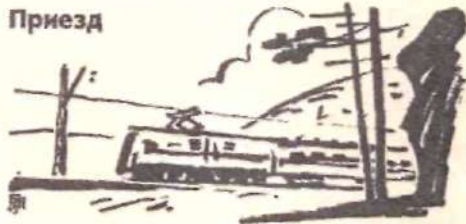
Выпускники трех латышских школ встретились и познакомились в Москве, в поезде «Москва — Красноярск». Конечно, поехали не все. Один не мог оставить большую мать, у другой на руках оказался маленький братишка. Были и такие, что раздумали: ничего не объясняя, просто исчезли в последнюю минуту.

Их ехало 24. И две учительницы — Лариса Раудсени и Скайдрите Кублина. Лариса Раудсени, преподаватель литературы и завуч лимбажской школы (а раньше инструктор райкома партии), — человек, пользующийся в Лимбажи большим авторитетом. Она-то и стала одним из организаторов, душой поездки. Все ребята руководимого ею класса писали на выпускных экзаменах сочинение, и каждый закончил его рассказом о том, как они все вместе поедут в Сибирь и будут работать — обязательно на самом трудном участке.

А если вы спросите Скайдрите Кублина, почему поехала она, она протянет вам бело-голубой квадратик на се-

ребряной цепочке — почетный значок школы. Окончив институт, она вернулась в свою школу в Свитене преподавателем физики и математики и стала верным и близким другом своих учеников-старшеклассников. Недаром между собой они называют ее «мамме Рита», что значит по-русски «мамочка Рита».

Приезд

Вот как рассказывают они о приезде: — Подъезжаем к Красноярску, видим скалы. Высоченные красные, розовые, серые. Морщицистые, все в трещинах. С обеих сторон на дорогу наваливаются. И наверху реденькие сосны. Мы к окнам прилипли и оторваться не можем. Как это мы раньше жили и не знали, что такое бывает!

Поезд подходит, видим оркестр, автобусы. Кого-то, думаем, встречают. А оказывается — нас! Нет, вы представляете? Поехали. Сначала городом. Потом автобус остановился, мы повыскакивали. Слева скала. Справа обрыв, прямо под колесами вершины берез и елок. А внизу, под обрывом, — Енисей. В Дивногорске нас встретил Леша Медведь. «Здравствуйте, ребята из далекой Латвии, и будьте как дома!»

А дом видите у нас какой? На пригорке, а весь пригорок зеленый был, в цветах. Дом совсем новенький, краской пахнул. У дверей комендант с ключами — располагайтесь! А мы-то приготовились к палаткам...

Несколько дней ребята отдыхали. Была жара. Купались, жарились на пляже. Там-то они и услышали новость, переданную по дивногорскому радио: на том берегу Енисея — лесной пожар! Прямо с пляжа побежали к лодкам...

Подробности того, что было на том берегу, узнать трудно. Девочки (их в лодки не взяли) рассказывают, что ребята вернулись только к вечеру, обгоревшие, испарянные, кое-кто в обгоревших рубахах. А сами ребятажимают плечами: о чем тут говорить? «Потушили помаленьку» — вот и все, что мне удалось услышать от Анса Жигурса об их боевом крещении.

Работа

Недалеко от котлована — сердца строящейся Красноярской ГЭС — расположен бетонный завод. Это уникальный завод непрерывного действия, сложный организм, с тянущимися от самого причала галереями, с управлением, в значительной степени автоматизированным. Завод — один из важнейших объектов стройки, и это понятно: строительству требуется громадное количество бетона. Если предетавить его себе в виде метровых кубов и если поставить эти кубы в ряд, друг за другом, то вытянется полоса длиной в пять тысяч километров.

На этом заводе они работают. Правда, вначале все было примерно так, как говорил в свое время Леша Медведь.

— Уставали? — спрашиваю я.

— Нет, не уставали. Вам, наверное, хочется написать, какие мы трудности испытывали: и спины-де ложило и руки стирали до пузырей?

Я признаюсь, что именно так и собиралась писать.

— Так не было мозолей! Откуда мозоли? Нам ведь рукавицы давали...

Да, я не учла, что эти ребята выросли в совхозах и колхозах, каждое лето они проводили на сельскохозяйственных или мелиоративных работах, многие умеют водить трактор. У этих ребят «настоящая закуска» (так говорит о них Лариса Раудсеп), они приехали на ГЭС с руками трудовыми, крепкими.

А через несколько месяцев их всех вместе перевели на бетонный завод.

Первый день работы на новом месте начался с того, что их спросили, кем они хотят быть. Слесарями? Электротехниками? Мотористами? И каждого определили в подшефные к опытному рабочему. Сейчас у каждого из них специальность, многие работают уже по четвертому разряду.

— А Леонид Орлов — даже по пятому, — рассказывает директор бетонного завода Архип Автономович Зятковский. — Толковый специалист из парня получается. Да и вообще на этих ребят грех жаловаться. Дружные, добросовестные, способные. Например, эта девушка (на цементном складе работает) Дзинтра — отличная работница. Да что говорить, смотрите.

Директор достает приказы — списки награжденных почетными грамотами, отмеченных благодарностями завода и строительства. Среди фамилий лучших рабочих я вижу Аусму Одиэня, сестер Астриду и Анду Луйка, Инару Пушмуца, Скайдристе Кублина.

Да, мотористку Скайдристе Кублина, «мамме Риту». Для того, чтобы по-прежнему быть рядом со своими учениками, Скайдристе тоже поступила на бетонный завод. И, я думаю, этот год, что Скайдристе провела на стройке, новая рабочая специальность обязатель-

но помогут ей в чем-то главном, когда она снова войдет в класс к своим новым ученикам.

Из всех приехавших лишь Лариса Раудсеп работает не на заводе. В семнадцати километрах от Дивногорска, на самом берегу Енисея, вырос новый поселок строителей — Молодежный. Там Лариса работает воспитателем.

Дом

Конечно, бывало и трудно и грустно. Особенно осенью. Зарядили дожди, и пригорок вокруг их дома, такой зеленый и веселый летом, превратился в сплошную гору грязи. Выходить из дому можно только в сапогах, и то спазмо, если не оставишь сапога в какой-нибудь беспощадной луже. Придешь с работы — тут только бери поваренную книгу (это мальчики) и начинай готовить или мой пол.

И никуда идти не захочется, и целый вечер будешь вспоминать родной город. Это неправда, что только жителям больших городов трудно уезжать в дальние места: им, дескать, жалко оставлять Эрмитаж, или МХАТ, или Крепцатики. Нет, с такой же грустью вспоминается и самый маленький поселок, если в этом поселке стоит школа, которая тебя вырастила, и живет самый близкий тебе человек — мама.

— И в эти-то минуты вы, наверное, жалели, что уехали?

— Жалели? Никогда! И не пожалеем. Здесь мы, во-первых, получили специальность, кто какую хотел...

— А увидели сколько всего! Вы знаете, какие здесь люди замечательные? А места кругом какие!

— И самое главное, как бы это сказать... Раньше хоть мы были взрослыми, но все-таки мама рядом и вообще все. Как будто тебя все время то за руку держат, то подталкивают. А тут у нас началась самостоятельная жизнь. Совершенно самостоятельная. Понимаете?

Понимаю. Всего год прожили ребята в Дивногорске, а как повзрослели, закалились, как посерьезнели, окрепли их взгляды на жизнь!

Дивногорск помог каждому сделать первые шаги на пути к его истинному призванию. Все ребята мечтают учиться дальше. Дзинтра Винтере хочет стать журналисткой, а пока занимается на курсах рабкоров при газете «Огни Енисея». Эдита Сзая, у которой первый разряд по велоспорту и второй по волейболу, мечтает поступить в институт физкультуры. Сейчас она играет в сборной волейбольной Дивногорска. Астрида Луйка мечтает о медицинском.

И мечты эти реальны. Ведь многие, очень многие строители ГЭС — студенты вечерних вузов. Врачи, инженеры, отличные спортсмены Дивногорску тоже очень нужны.

Письма

По-прежнему они живут дружной, веселой компанией — частица громадного коллектива строителей и вместе с тем маленькая латышская колония. Они говорят с легким акцентом и в то же время чисто по-сибирски произносят знаменитое «Ну!» (в смысле «Конечно!»). Стены комнат украшены свежими еловыми ветками, а рядом с ветками — фотографии родного города, а на тумбочках — «Огни Енисея» и латышские журналы. Рассматриваю альбом с фотографиями; в начале его — фотография школы, в конце — панорама бетонного завода и вид на Енисей во время его перекрытия. А посредине — девочки в белых передниках в день «последнего звонка», и вот уже они идут с чемоданами на вокзал, а вот с лопатами в первые дни работы, а вот — у какого-то из Красноярских Столбов.

А это вечеринка — провожают в армию Николая Тубина и Айвара Мителсона. Коля и Айвар часто пишут, они по-прежнему считают себя членами коллектива дивногорцев. Вот письмо Николая:

«...Вы прислали мне «Огни Енисея»; эту газету мы читали всем взводом, так что когда она ко мне вернулась, имела очень потрепанный вид. Сегодня день перекрытия, и у меня вместе с вами, дивногорцами, большой праздник. Очень завидую вам, что вы увидите борьбу с Енисеем, нелегко ведь его перекрыть, но я уверен, что все будет отлично... Как я рад, что вы получили разряды и чувствуете себя полноправными хозяевами на заводе! Честно признаюсь, я меньше думаю о родных и о доме, чем о Дивногорске, сам не знаю почему. Мы еще встретимся в Дивногорске в 1964 году...»

Много писем приходит из Латвии. Иногда пишут даже незнакомые люди — просто несколько теплых слов, поздравление с праздником.

«Мы считаем вас своими, — пишут работники Лимбажского райкома партии, — и гордимся тем, что лимбажцы не только хлеб растят, ловят рыбу, но и участвуют в строительстве великолепных гигантов коммунизма».

А вот совсем коротенькое письмо — от выпускников Лимбажской школы рабочей молодежи: «Если сможете, приезжайте к нам на выпускной вечер. А потом, наверное, и мы поедем с вами. Примете нас?»

А чаще всего пишут мамы. И в письмах их все меньше и меньше неуверенности и тревоги, а все больше спокойствия, радости и гордости: дети твердо стали на ноги, выросли настоящими рабочими, уважаемыми людьми. И кое-кто из мам собирается в гости в этот все еще немного загадочный, но родной Дивногорск.

Что ж. В добрый час!

Фазу АЛИЕВА

На рассвете

Вот, сев на звездное седло,
Коня пустив во весь опор,
Пока еще не рассвело,
Ночь мчится за вершины гор.

И в белом шелковом платке
Заря пришла из темноты,
Умылась наскоро в реке,
Роняя брызги на цветы.

В тот час собрался в путь герой.
Разлука горечь слез копит...
Стоит невеста за горой
И ловит гулкий стук копыт.

Вдогонку бросилась бегом,
Как ветром сорванный цветок,
И белоснежным голубком
Летит над пропастью платок.

А небо — голубой конверт,
И буквами на нем — лучи!
«Письмо пришли, пришли ответ,
Разлуку нашу облегчи».

А ветер, подавляя грусть,
Вдруг прозвучал, как долгий вздох:
«Ты не грусти! Домой вернись,
К тебе вернусь, исполнив долг».

Она рукою провела
По летним пестрым платьям трав
И всю росу с них собрала,
Как будто все слова собрал.

Пиши письмо! В нем стук копыт,
Рассвет и неба синева.
Работа на полях кипит,
Как на листке кипят слова.

Рисунки М. Петрова.

Горная река

Шаля, как жеребенок молодой,
Шумя по щебню, клопоча по камню,
Течет река,
Горянка за водой
Сюда приходит, сжав кувшин руками.

Подол сметает с лепестков росу,
Цветы и травы — пестрая дорога...
Вдруг обратилась девушка к Койсу:
— Остановись и отдохни немного!
Устала ты, послушайся меня,
Тебе даю я добрые советы:
Сними уздечку, отпусти коня
И хоть чуть-чуть со мною побеседуй.

Река, смеясь, на цыпочки привстав,
Остановилась, только на мгновенье
И спела песню, в звуках расплескав
Свое неудержимое волнение:

— Спешу я к людям: им должна отдать
Моей волны и свежесть и прохладу.
Проснулись люди, и нельзя им ждать,
Ополоснуть рекой лицо им надо.

Спешу я к травам: до сухой земли
Копытами их пригибают кони.
Чтоб стебли крепили, чтоб они росли,
Должны моей волной напиться корни.

Спешу к садам я, чтобы выпил в срок
Твой виноград мою волну хмельную,
Спешу к полям, чтоб колос не засох.
О нет! Остановиться не могу я.

— Повремени! Еще один вопрос:
Ну почему ты так неутомима?
В тебе так много солнца, песен, звезд,
Всегда ясна ты и всегда любима.

— Чиста лишь потому я, что в пути,
И потому, что, отдыха не зная,
Спешу прохладу людям принести,
До капельки все силы отдавая.
Прощай, горянка!

Впрочем, погоди:
Кувшин наполни влагой голубою,
А ночью непременно приходи,
Освобожусь — поговорим с тобою.

Перевела с аварского
Ирина Озерова.

А. СОБАКИН

Рисунок Ю. Теребилова.

Родниковая вода

Май только проглядывал
сквозь неласковый апрель,
а в прозрачном парке уже
щебетала детвора. На ска-
мейке в дальней аллее си-
дела молодая пара. Оба,
казалось, безучастно смот-
рели на весеннюю суету. Он
молчал. Она сосредоточен-
но думала о чем-то и поми-
нутно, как бы очнувшись от
дум, виновато спрашивала:
— Федя, тебе, наверно,
скучно со мной, а?

— Да нет...

— Федя, я так боюсь...
Если со мной что случится,
ты не оставишь его?

— Кого?! А-а...

— Счастливые вы, мужчи-
ны!

— Пойдем домой,— вдруг
хмуро предложил он.

— Посидим еще, мне так
надоело дома... Куда же
ты? — встrepенулась она.

— Пойду мороженого
принесу...

— Не нужно. Я бы, ка-
жется, полжизни отдала,
чтобы испить студеной во-
ды из родника... И чтоб
прошлогодний березовый ли-
стик в нем плавал...

...Ночью ее увезли в боль-
ницу. Когда на следующий
день он пришел проведать,
сестра сказала:

— Сын! Поздравляю!

Он глуповато улыбнулся,
произнес удивленно:

— Гляди-ка! — И, узнав,
что мать видеть нельзя,
ушел. После этого его не
было два дня.

Она часто плакала, отвер-

нувшись к стене, когда дру-
гим приносили передачи и
ласковые записки. Все напе-
ребой читали вслух избран-
ные места и ревниво при-
слушивались к тому, что чи-
тали другие.

Сестра, как могла, успо-
каивала:

— Не огорчайтесь, при-
дет, обязательно придет...

Однажды главврач, услы-
шав шум в приемной, вышла
уладить недоразумение. К
ней кинулась сестра:

— Нет, вы только посмот-
рите, что он принес! Спятил
от радости, что ли?

На полу стояло ведро, до
половины наполненное про-
зрачной водой, в которой
плавал пожелтевший бере-
зовый лист.

А. Рылов. ЗЕЛЕНОЕ КРУЖЕВО. 1928 год. Государственная Третьяковская галерея.

В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

Познакомились они здесь, в Крыму, в санатории «Золотой пляж», и быстро подружились. На снимке (слева направо): Валентина Ковтук, официантка столовой из г. Симферополя, Анна Александровна Щеглова, контролер отделочной фабрики комбината Трехгорная мануфактура и Елена Швец, контролер машиностроительного завода из Сибири.

Фото И. Петкова.

„**М**РЕХГОРКА“

Если вам случится побывать в Евпатории, то на одной из самых уютных улиц города, улице Революции, вы наверняка заметите большой красивый дом с табличкой «Детский сад комбината «Трехгорная мануфактура». Увиты виноградником просторные веранды. Залиты солнцем балконы, выходящие на море. Рано утром беспокойные жители этого дома высыпают на пляж. С физикультурной зарядки и морской ванны начинается новый день.

Наш евпаторийский детский сад был построен вскоре после войны. Ребятам, испытывавшим вместе со взрослыми трудности тех лет, необходим был хороший отдых. Мы выбрали Евпаторию, лучшую детскую здравницу: щедрое южное солнце, целебный сухой воздух и море. Оно здесь особенно ласковое. Кажется, что волны укрощают свой крутой нрав перед воротами уютной бухты и тихо, почти беззвучно подбегают к золотистым песчаным пляжам.

Вот уже пятнадцать лет подряд через каждые четыре месяца в поезде Москва — Евпатория появляются два необычных вагона. Их пассажиры живут по строгому режиму — с тихим часом и часом для игр. Новая группа детишек рабочих «Трехгорной мануфактуры» едет на юг. В осеннюю и зимнюю смены в Евпатории отдыхают по 175 детей, а в летнюю — 300. На лето к морю выезжает и один из наших московских детских садов.

Отправляя ребят в такое долгое путешествие, родители могут не волноваться: их порадуют фотографии, приходящие из Евпатории, и письма воспитателей. Некоторые малыши приезжают в этот благодатный край по несколько раз. Мы стараемся сделать так, чтобы обязательно побывали в Евпатории будущие первоклассники, чтобы загорели, окрепли, поправились они перед началом занятий.

Может быть, у некоторых читателей возникло недоумение: статья назы-

вается «Трехгорка» отдыхает», а рассказ идет о малышах. Но ведь большинство работников нашего комбината — женщины. И чтобы они могли отдыхать спокойно, мы заботимся прежде всего об их детях.

На лето мы вывозим за город больше трех тысяч детей.

Под Москвой, в поселке Салтыковка, находится санаторный детский сад. Круглый год здесь живут 125 ребят, а в июне сюда приезжают еще 430 малышей из наших городских яслей.

Целые вереницы автобусов с ребятами направляются в живописное Румянцево. На солнечной опушке леса стоит детский городок «Трехгорки» — дачи детских садов и голубые домики пионерских лагерей. Любят ребята свое Румянцево. Многие школьники отдыхают здесь по две смены.

В сентябре, когда дети вернутся в город, а погода будет еще по-летнему ясной и солнечной, в прибрежье Румянцево приедут взрослые. Там разместится наш профилакторий. На эту осеннюю пору Румянцево превращается в дом отдыха, и путевки даются отпускникам.

В октябре профилакторий возвращается в Москву. Он работает круглый год. Расположен профилакторий на территории комбината, и это очень удобно. Во время перерыва сюда приходят обедать, а сразу же после смены — отдыхать. Здесь отдыхают рабочие, нуждающиеся в укреплении здоровья, и те, кто работает и учится: студенты вечерних вузов, ученики школ рабочей молодежи.

В этом году на первом этапе профилактория будет построена водолечебница.

Если работнице необходимо специальное лечение, мы направляем ее в соответствующий санаторий. За путевку она платит всего 30 или 20 процентов стоимости.

За этот год из шести тысяч работников комбината больше тысячи отдохнут в домах отдыха и санаториях.

Круглый год приходят люди в фабком за путевками. В санаторий «Кемери» на Рижском взморье едет браковщица отделочной фабрики тов. Васильева, контролер прядильной фабрики тов. Митрофанова собираются в Трускавец.

Из Крыма уже вернулись посвежевшие, с южным загаром на лицах контролер отделочной фабрики Анна Александровна Щеглова и уборщица Раиса Федотовна Белюгова.

Часть рабочих предпочитает провести свой отпуск под Москвой, в поселке «Трехгорка» — красивом уголке наших садоводов.

Каждая весна приносит фабкому большие заботы. Еще не успеют освободиться от последних льдин подмосковные речки, а наши рыболовы уже забеспокоятся: то им требуются спиннинги, то нужны новые резиновые лодки. У нас много любителей рыбной ловли. С субботы на воскресенье отправляются они на Пахру или Истру. Отправляются небольшими группами: рыба любит тишину, так что приходится считаться с ее привычками.

Вслед за рыболовами осаждают фабком туристы. Просят палатки, спальные мешки. С мая по октябрь они не упустят ни одного воскресенья.

Самые заядлые туристы — ткачи. Придешь к ним на собрание и обязательно увидишь девочек с бронзовыми, обветренными лицами. Сидят туристы всегда все вместе. Это самый беспокойный, самый веселый и дружный народ.

В прошлом году у них был свой лагерь в Химках, у самой воды. Ездили туда каждый день после работы. Потом путешествовали по Уралу. Вернулись счастливыми. Рассказов хватило на целый год.

В это лето они отправятся на Волгу в большой шлюпочный поход. У комбината есть свои шлюпки.

С каждым днем летних забот у фабкома все прибавляется и прибавляется. Но заботы эти приятные: ведь они об отдыхе!

М. ЧЕТВЕРЯКОВА,
председатель фабкома
комбината «Трехгорная мануфактура».

Шли ткачихи уральскими тропами, жили в палатках, ели уху с дымком...

Отлично чувствуют себя ребята под щедрым крымским солнцем.

В Салтыковку приехали ясли.

ОТ ПУТЯ ДЫХАЕТ ПТ

Еще стоит посредине комнаты ее неразобранный чемодан, еще живет в квартире ветер дальних дорог.

Валентина Григорьевна рассказывает, и я вижу вместе с ней Париж, мосты, перекинутые через широкую Сену. Я будто лечу над кобальтовой синевой Средиземного моря. И вот наконец Алжир. Сияющая белизна центра города, громады теснящихся зданий, минареты мечетей, отделанных тонким кружевом восточных орнаментов; пальмы, эвкалипты, крупные цветы мимоз, розарии возле заключенных особняков, поспешно покинутых бывшими хозяевами Алжира — французскими колонизаторами.

Город разделен на части: богатый, колонизаторский центр и ярусы улиц, становящихся все уже по мере того, как они поднимаются вверх по уступам гор или уходят к старым районам с коренным арабским населением.

Голос рассказчицы переносит меня к безбрежным дюнам горячей Сахары. Я вижу зеленый оазис Бу-Саади, где так любят бывать туристы.

Но московский врач Валентина Чернова не турист. В Алжир ее привели дела.

По просьбе правительства Алжирской Республики шесть советских врачей, две медицинские сестры, два переводчика прилетели в далекую африканскую страну, только что освободившуюся от колонизаторов, для работы в госпиталях.

Городок Буйра лежит у подножия высоких гор. Богатые французы устраивали здесь состязания в слаломе. Горы всегда придают городам особую прелесть, вот и Буйра на первый взгляд кажется уютной, даже нарядной.

Но здесь, в Буйре, открылись врачу Черновой страшные последствия колониализма: истощенные постоянным недоеданием люди, много больных. Малярия, туберкулез, трахома, дистрофия, рахит, заболевания кожи — не перечислишь всех недугов, которые косили людей!

На всю Буйру — в ней более двадцати пяти тысяч населения — и все лежащие

ТАК ПОМОГАЮТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

около горные селения было раньше всего два врача. Лечиться могли лишь немногие: 10 франков — прием, 10 франков — рентген. А еще надо платить за лекарство.

Как-то, просматривая рецепты, Чернова обнаружила, что в них стояли завышенные дозы лекарств.

— Зачем? Ведь это вредно... — недоумевала она.

— Зато выгодно аптекарям, — пояснили ей. — Чем больше продадут лекарств, тем больше доход.

В первый же день Валентина Григорьевна вдвоем с педиатром Аделаидой Ивановной Егоровой обошла госпитальные палаты.

Это было тяжелое зрелище. Люди лежали прямо на полу, в домашней одежде. Миски с едой ставили тоже на пол. Антисанитария и духота. Даже в операционной, этой святой святыне медицины, была грязь, сюда свободно входили посторонние люди.

Владелец госпиталя сбежал. Лечебное учреждение молодое государство приняло на свой бюджет. Плата за лечение невысока, за бедняков платит государство. Да только беда: не хватает врачей.

Две советские женщины, Егорова и Чернова, были и хирургами, и гинекологами, и окулистами, и терапевтами, и невропатологами, и инфекционистами. На попечении Валентины Григорьевны было еще около ста больных малярией, брюшным тифом, другими недугами.

В Алжире заражены водоемы. Едва начинается лето, как вспыхивают дизентерия, брюшная.

На каждого из врачей пришлось по два-три отделения. Дежурили через

день в госпитале и ежедневно много часов вели амбулаторный прием. Выкраивали еще и время для занятий со средним медперсоналом, готовили национальные кадры.

— Хорошие, способные люди! — тепло говорит Валентина Григорьевна о своих помощниках. — С каким завидным терпением выживал фельдшер Мокран, двадцатипятилетний алжирец, самых тяжелых больных! «Обязательно буду врачом, — не раз говорил он. — Ведь многие наши селения до сих пор не имеют даже медпунктов».

А акушерка Гани? Общественница, мать четверых родных и троих приемных детей — сирот ее погибшего брата, борца за освобождение Алжира, — она внимательно приглядывалась к работе врачей, старалась узнать как можно больше и не скрывала своего восхищения ими, их работой. Ее интересы не ограничивались медициной. Активный борец за женское равноправие, Гани расспрашивала о Советском Союзе, о правах и жизни советских женщин.

Мокран и Гани были первыми помощниками советских врачей и в таком трудном в условиях Алжира деле, как профилактика.

Оспа — бич населения. Время от времени в Алжире вспыхивали эпидемии. Те, кто выживал, всю жизнь носили на лице ее страшные следы. Прививки делались, но от случая к случаю и далеко не всем. Нужна была всеобщая вакцинация против оспы. С нее и начали. Руководил этой работой доктор Мещеряков.

Составили списки жителей города. Установили строгую очередность: сначала делать прививки школьникам, затем

Кадзуко Камогава.

НАШ ДРУГ КАДЗУКО

Я познакомилась с Кадзуко Камогава в тесном двухэтажном здании Общества «Япония — СССР» в Токио. Меня поразила хрупкая красота девушки.

Кадзуко показала нам комнаты, где занимаются учащиеся школы русского языка. На длинном столе лежали пачки книг, присланных советскими друзьями.

— Эта школа, — говорила Кадзуко, — была организована на гроши самим Обществом. Сначала нам пришлось трудно, так как в школе обучалось всего пять-шесть человек. А потом народу прибавилось, учащиеся стали вносить маленькую плату. Теперь здесь изучают

русский язык уже тысяча человек.

Катюша, так называют Кадзуко в письмах советские люди, рассказала мне, что толкнуло ее сестру за учебник русского языка.

Однажды русские, гости ее страны, заговорили с девушкой. Их все интересовало: как она живет, любит ли свою работу, хочет ли учиться. Кадзуко перевели их вопросы, и она была удивлена и обрадована, что с ней, простой работницей, так ласково, по-братски разговаривают. Из ее сердца рвались слова, но она не знала, как произнести их по-русски.

С тех пор Кадзуко увлеклась деятельностью в Об-

ществе «Япония — СССР». Окончила школу русского языка. Выпускала вместе с товарищами стенную газету, много читала о Советской стране. Помогали встречи с людьми, приезжавшими из СССР. Кадзуко жадно слушала и расспрашивала их. Матери, брату, соседям она рассказывала о Ленине. Она хотела, чтобы все знали: великий Ленин был русским.

Кадзуко теперь все чаще думала: почему в СССР каждая девушка может учиться, выбирать себе работу по душе, а девушки в Токио, такие, как Кадзуко, не могут об этом и мечтать?

Она повела меня на свою

Валентина Григорьевна Чернова.

работникам учреждений, потом всем гражданам.

— Сперва люди шли к нам с опаской,— рассказывает Валентина Григорьевна.— Это понятно. Колониальные врачи оставили у людей мрачные воспоминания. Нам жаловались на их грубость, невнимание, небрежность в лечении. Они и не прикасались к больным, пришедшим с гор. О болезни врач спрашивал на расстоянии, поспешно выписывал рецепт, требовал деньги и отправлял домой. Остальное врача не касалось. Если больному становилось хуже, он должен был снова идти и, конечно, снова платить.

Через два-три дня нам пришлось обращаться за помощью в мэрию: так много людей сразу пришло делать прививки у советских врачей. С тех пор в амбулатории дежурил полицейский. Мы были благодарны ему за помощь: он четко регулировал прием.

Два с половиной месяца работали без выходных, и госпиталь неузнаваемо изменился. В палатах порядок. В операционной все блестит чистой. Резко уменьшилась смертность, улучшились диагностика, лечебная работа.

А врачи приступили к новому этапу профилактики — прививкам против брюшного тифа.

— Необходимо начать борьбу и с малярией,— сказали они супрефекту медицины.— Малярия не меньше бич, чем брюшной тиф, чем туберкулез.

— Это нам пока не под силу,— ответил доктор Мамри.— Нужно по всей стране создавать специальные отряды, осушать, обезвреживать болота—рассадники страшного заболевания...

Есть лица, которые запоминаешь надолго. Они привлекают внимание не писаной красотой, не яркостью красок. Простые, открытые, приветливые, они освещены умом и душевной твердостью. Именно такой я и увидела Валентину Григорьевну. Доброжелательность и уверенность исходили от всего ее облика.

Такой, вероятно, видели ее и больные в Алжире, особенно женщины, которые робко старались погладить бескорыстного доктора по щеке, припасть к руке, спасшей жизнь, возвратившей здоровье.

Однажды в госпиталь привезли больного тяжелой формой малярии. Он был без сознания. Держалась высокая температура. Три недели он лежал дома без медицинской помощи, без ухода: мать больного боялась врачей.

Казалось, что спасти человека может лишь чудо. Советский врач совершил это чудо. Умелое лечение, бережный уход сделали свое дело: через несколько дней мужчина пришел в себя. Потом понемногу стал говорить. И снова уход, снова лечение. А потом — это было для всех как праздник — он стал ходить.

— Я не сразу поняла, что хочет сделать старая женщина, пришедшая с гор за сыном,— говорит Валентина Григорьевна дрогнувшим голосом.— Она подошла и вдруг бросилась на колени, припала к ногам. Можете себе представить, как меня смутило такое выражение благодарности?! И я как-то особенно остро почувствовала всю бездну унижения и бесправия, которые перенес этот народ в годы владычества колонизаторов.

Но мы видели: новое входит в жизнь страны. Все чаще женщины появляются на улицах с открытыми лицами, идут работать в госпиталь, на почту, в школу. Общественницы используют каждый случай, чтобы выступить за раскрепощение своих сестер.

18 марта в Алжире проходили митинги протеста против взрыва атомной бомбы в Сахаре. И Буйра тоже приняла участие в манифестации. На трибуне стояли

Госпиталь в Буйре.

почетные граждане. Среди них были женщины. Они призывали своих подруг учиться, говорили о равноправии, о совместной с мужчинами борьбе за процветание родины.

Мы видели, как велика тяга к знаниям. В городе открывались арабские школы, в которые поступали и жители гор. Нас часто спрашивали, как поехать учиться в Советский Союз. Алжиру ведь нужны национальные кадры: врачи, агрономы, педагоги, историки, инженеры...

Много друзей осталось в Алжире у советских врачей. Не успела Валентина Григорьевна вернуться домой, как вслед за ней полетели письма. Человеческая признательность и благодарность горячей любовью!

«Наш большой друг! — писали работники госпиталя Буйры Кадер, Башир и Хаму. — Желаем вам самого лучшего в жизни: здоровья, счастья, радости, которые вы принесли нам с собой!..»

...Советские люди в белых халатах! Где только не встретишь их! В Гвинее и Гане, в Камбодже и Конго, на Кубе, в Йемене, Индии, в Бирме... Лечат, налаживают охрану здоровья людей, сбросивших иго колониального гнета. Много благодарных последователей оставляют в разных странах представители передовой советской медицинской школы.

В. ШАПОШНИКОВА

улицу, рассказала о тех, кто тут живет. В Токио, столице Страны Восходящего Солнца, много таких улиц, где люди не знают радости. Кадзуко познакомила меня с шахтером Сеато, проработавшим под землей 17 лет. От взрыва в шахте он едва не погиб. Денег на лечение не было, он навсегда остался инвалидом.

Я была в лачугах рыбаков, живущих на этой улице. На рассвете они уходят в море на лодке хозяина ловить для него крабов. Платят им гроши.

— На нашей улице,— говорила Кадзуко,— никто не замечает света, тепла, радости, которые дарит земля солнцем. Слишком трудна у людей жизнь.

...Кадзуко родилась в семье рабочего. Денег никогда не хватало, хотя отец

трудился на полях помещика от зари до зари. Двое первых детей умерли от истощения и болезней. Кадзуко за маленькую чашку риса нянчила чужого ребенка в богатой семье. Когда она подросла, хозяин плантации предложил отцу отдать девушку «в услужение», обещая 20 тысяч иен! Отец, конечно, отверг это гнусное предложение. Лучше он будет работать день и ночь, чем пойти на такое!.. Но непосильный труд все-таки сломил его здоровье, он заболел и умер.

Кадзуко поступила работать санитаркой в больницу. Больные ее хвалили: проворна, ласкова, умна. Кадзуко любила и знала свою работу. Она стала медицинской сестрой, затем лаборанткой.

Два года назад в жизни

Кадзуко Камогава произошло большое событие: она вступила в Коммунистическую партию Японии.

Враги рабочего класса Японии не раз пытались уговорить девушку выйти из рядов партии. Они предлагали ей деньги, разные блага. Презрением отвечала им Кадзуко.

Однажды вечером в здание Общества ворвались фашиствующие хулиганы. Они бросились к Кадзуко, стали ее избивать, но девушка не растерялась, позвала на помощь рабочих парней, учащихся школы. Бандиты удрали.

...В прошлом году Кадзуко написала в СССР о своей школе, где с такой любовью и упорством друзья нашей страны изучают русский язык. Это письмо я увидела потом напечатан-

ным в газете. А совсем недавно, раскрыв «Советскую Россию», я прочитала еще одну статью, подписанную знакомым именем. Опять Кадзуко! Горячо рассказывает девушка о борьбе японского народа за мир и счастье, гневно пишет об американских империалистах, опутавших ее страну сетью военных баз, с гордостью описывает несгибаемое мужество японского коммуниста Кунидзи Мураками, который уже много лет томится в одиночной камере тюрьмы на острове Хоккайдо.

Я читала эти строки и видела перед собой Кадзуко, стойкую коммунистку, так верно нашедшую свое место в общей борьбе японских трудящихся.

Л. БОГДАНОВИЧ

Этих негритянских женщин полиция штата Алабама арестовала за участие в демонстрациях против расизма.

Фото из итальянского журнала «Ной донне».

Убийца не наказан

На юге США, в штате Алабама, льется негритянская кровь. В ответ на законные требования негритянского населения города Бирмингема и его окрестностей покончить навсегда с расовой дискриминацией, с издевательствами и глумлением над людьми с черным цветом кожи полиция бросает негров в тюрьмы, травит их собаками. И все это в стране, лидеры которой не устают произносить громкие слова о свободе и справедливости.

Далено от Бирмингема лежит другой американский город — Балтимор. Преступление расистов Балтимора, о котором мы рассказываем ниже, и кровавые события в Бирмингеме — все это звенья одной цепи. Имя ей — американский империализм.

Негритянка Гатти Кэрол, мать одиннадцати детей, прислуживала в одном из баров американского города Балтимора. Как-то мартовским вечером к стойке, шатаясь, подошел посетитель и потребовал виски. Кэрол осторожно заметила, не «переберет» ли господин. Тогда он грязно выругался и наотмашь ударил женщину набалдашником трости по голове.

Обливаясь кровью, Кэрол рухнула на пол. Через несколько часов, не приходя в сознание, она скончалась в городской больнице.

В полицейском участке выяснилось, что убийца — миллионер Вильям Цандигер, табачный король из штата Мэриленд, тот самый Цандигер, которого власти штата всегда восхваляли как образец «добропорядочности и морали», «рыцаря удачи, стопроцентного американца».

24-летний миллионер владеет необозримыми табачными плантациями и двумя табачными фабриками. «Вот как можно преуспеть в свободной Америке, если иметь энергию, настойчивость, хватку настоящего бизнесмена», — вторили властям газеты.

Хватка у Цандигера действительно была мертвой. «Если я занимаю людей и плачу им деньги, — говорил этот молодой хищник, — они принадлежат мне без остатка. Их энергия должна быть перелита в мой табак, в мои сигареты».

И вот результат: сезонные рабочие, главным образом негры, умирали на его плантациях, становились инвалидами. В прошлом году негритянка Джен, ожидавшая первого ребенка, погибла в поле от родов: надсмотрщик Браун не разрешил ей «отлучиться для таких пустяков», ссылаясь на распоряжение Цандигера.

Ярый расист, Цандигер люто ненавидел негров. Если падал сбыт табака и табачных изделий, он увольнял прежде всего негров. Рабочие плантаций не забыли, как еще совсем юнцом он зверски избил старого негра Джеймса. А вот теперь — Гатти Кэрол...

Казалось, ясно: убийца Цандигер подлежит по суду суровому наказанию. Но не тут-то было! Не забывайте о власти доллара, влиянии бизнеса на все сферы государственной жизни США. «Миллионер под судом? Нет, этого допустить нельзя!» — сказали коллеги Цандигера из национальной ассоциации промышленников. И вот первый шаг сделан: убийцу отпустили под залог на поруки. А затем, словно по команде, началась обработка общественного мнения в защиту табачного короля. «Цандигер — друг негров», «Цандигер — либеральный предприниматель», «Цандигер — друг рабочих!» — бесстыдно кричали газетные заголовки.

Весы американского правосудия, на чашу которых были брошены увесистые пачки долларов, начали склоняться в пользу Цандигера. Недавно было объявлено, что рассмотрение дела откладывается на неопределенное время...

«Заранее можно предсказать», — писал в связи с таким решением судебных властей США журнал «Сатердей иннинг ньюс», — что в скором времени Цандигер будет полностью реабилитирован».

А как же осиротевшие ребятинки Кэрол? Может, кто-то из властей имущих принял участие в их судьбе? Ничего подобного! Пятеро помещены в детский приют, остальные брошены на произвол судьбы.

«У каждого честного человека, когда он слышит тошнотворные слова американских лидеров о равенстве в нашей стране всех людей перед законом, о равных возможностях для людей разного социального положения, — писала газета «Уоркер», — невольно вырвется крик возмущения. «Прекратите этот жалкий фарс, это глумление над истиной!» — вот что хочется сказать в опровержение официальной пропаганды».

Гибель негритянки Кэрол — неоспоримое доказательство горькой правды этих слов.

А. САМОЙЛОВ

О хороших наших людях

НАЗВАННЫЙ БРАТ

Солнечный июльский день 1958 года. На спортивной площадке идет тренировка. Черноволосый двадцатилетний парень на турнике. Он легко перебрасывает на вытянутых руках свое тело через перекладину. Раз, два, три... И вдруг неудачный рывок — Фанис летит на землю.

Сломаны позвонки. Молодой человек надолго прикован к постели. Он лежит в Казанской больнице восстановительной хирургии.

О несчастье Фаниса Яруллина узнали девчата из прядильного цеха льнокомбината имени Ленина.

— Пойти бы к нему, — предложил кто-то.

— А если он не захочет нас видеть? Решили сначала написать письмо.

Долго читал Фанис ровные строчки на листках школьной тетради: «Можно ли нам прийти к тебе? И семь подписей. И он ответил, что рад, что ждет...»

Они пришли с букетами цветов, с фруктами.

Так началась дружба.

Друзья Фаниса — прядильщицы. Все они учатся, все ударницы коммунистического труда. И живут вместе. А в субботу и воскресенье ходят в больницу. «Он теперь наш брат. Член семьи», — шутят девушки. Посмотрят новый фильм, спектакль — и спешат рассказать «брату». Новая книжка вышла — несут Фанису; почитай, потом поговорим, поспорим.

Фанис пишет стихи. Одно из них он посвятил им, девчатам:

...Как весна лучистой теплынюю
Снег и лед сжигает до конца, —
Вы сожгли во мне ледок унынья
Огоньком веселого словца...

Часто из села Ютазы приезжает к подругам Фаниса его мать, Гарифа-апа. Подолгу гостит у девушек, словно у родных дочерей.

Фанис теперь учится. Кончает в этом году среднюю школу. Вставать он пока не может, поэтому его класс — большая палата. А учителя из казанской вечерней школы рабочей молодежи № 18 ходят к нему по очереди.

Фанис мечтает об университете. Учителя верят: его мечта сбудется.

А. ШАКИРЗЯНОВ

г. Казань.

Фанис читает свои стихи друзьям.
Фото автора.

Все хорошо в меру

Рисунки В. Житникова.

Лето — лучшая пора для закаливания ребенка. Особенно целебно летнее солнце. Его лучи повышают жизнедеятельность организма, устойчивость к инфекционным заболеваниям, усиливают и улучшают процесс обмена веществ, помогают бороться с рахитом, улучшают кровообращение и состав крови, успокаивают нервную систему... Трудно переоценить огромную пользу солнечного излучения, его видимых и особенно невидимых (инфракрасных и ультрафиолетовых) лучей!

Но сразу же хочу оговориться: солнце — друг человеку, если его лучи используются разумно.

Мы, врачи, настоятельно рекомендуем детям солнечные ванны, но для начала их продолжительность не должна превышать 3—5 минут, при этом надо следить, чтобы все тело малыша облужилось равномерно. Постепенно время увеличивается на одну-две минуты в день, и только спустя 20 дней ребенок может находиться на солнце до полудня.

После 10—15 минут «остывания» в тени рекомендуются душ или купание.

Солнечные ванны лучше всего принимать через полчаса или час после завтрака. В это время воздух чище и менее разогрет, а в спектре солнечного света преобладают ультрафиолетовые лучи.

Но бывает и так, что солнце становится врагом, если, скажем, в первый же день пролежать на пляже под его палящими лучами несколько часов. Это может кончиться солнечным ударом.

Солнечный удар — тяжелое, а иногда опасное для жизни состояние. Оно возникает в результате перегревания тела, чаще всего при длительном воздействии прямых солнечных лучей на голову, не защищенную панамой или косынкой.

Злоупотребления солнечными ваннами могут повлечь за собой и другие неприятности: быструю утомляемость, повышенную нервозность, порой нарушение деятельности сердечно-сосудистой системы. Следует также помнить, что при некоторых заболеваниях, даже если человек чувствует себя в данный момент неплохо, солнечные ванны вообще применять нельзя. Например, при хроническом увеличении щитовидной железы солнечные лучи могут привести к осложнению болезни.

Вот почему надо разумно пользоваться солнцем и перед тем, как начать принимать солнечные ванны, необходимо посоветоваться с врачом. Особенно это относится к больным и ослабленным детям.

Старшие ребята да и многие взрослые стремятся во что бы то ни стало загореть, считая, что загар не только красив, но и полезен. Мнение это вряд ли правильно. Хотя загар в какой-то мере и защищает организм от вредного влияния избытка солнечных лучей, однако он далеко не всем полезен, а иногда и просто вреден (например, при заболеваниях легких).

А вот воздушные ванны полезны всем без исключения — детям и взрослым, здоровым и больным.

Принимают их там, где есть тень: в лесу или в саду, под тентами на берегу реки или моря. Прежде чем раздеть ребенка, следует посмотреть на термометр: если температура воздуха ниже 19—20 градусов тепла или дует резкий, холодный ветер, ванны следует отложить. Но даже при благоприятной погоде нельзя сразу же оголять малыша. Сначала откройте ему руки и ноги, потом постепенно все тело. Принимать воздушные ванны лучше утром, через час-полтора после еды: это полезнее, чем натощак. Их продолжительность все время увеличивают — начиная с 5—10 минут и до полудня часов. Полезно, чтобы принимающий воздушную ванну ребенок большую часть времени не просто лежал в тени, а находился в движении — играл.

Воздушные ванны малышам 3—4 месяцев устраивайте вначале в комнате, а потом на открытом воздухе. Выбирайте тенистое, хорошо защищенное от ветра место и в погожий день, когда температура будет 20—22 градуса, подержите малыша голеньким 3—5 минут. Затем (постепенность и систематичность!) это время увеличьте до 20—30 минут.

А теперь поговорим о воде. Водные процедуры полезны втройне, если сочетаются с разумным использованием воздуха и солнца.

Обычно закаливание водой начинают с обтираний сначала теплой водой 34—36 градусов, а потом постепенно похолоднее — до 20—18 градусов. Когда ребенок привыкнет к обтиранию, переходите и более сильной закаливающей процедуре — обливанию. Летом эту процедуру проводите на открытом воздухе: подогретой на солнце водой поливайте ребенка из большого кувшина или садовой лейки.

Наиболее приятная водная процедура — купание в реке или в море. Но купаться можно детям только после четырех лет. Начинать надо в солнечный день, когда температура воздуха и воды не ниже 22 градусов. Впоследствии

можно позволять им входить в воду и при температуре воздуха 18—16 градусов тепла (температура воды при этом обычно несколько выше). Ребенок должен все время двигаться в воде, иначе может наступить переохлаждение тела. Многие дети, особенно мальчишки, сидят в воде до тех пор, пока не посинеют губы и не появится «гусиная кожа». Это очень опасно и часто ведет к заболеванию.

В начале лета даже здоровым детям не следует купаться чаще одного раза в день. Время купания выбирают с учетом погоды и в зависимости от географического положения местности. На юге, например, лучше купаться в утренние и вечерние часы, когда не так жарко, как в полуденное время.

Младшие ребята — дошкольники, а такие слабые и нервные дети должны находиться в воде не более 5—10 минут, а затем отдыхать в тени. Перед началом купания надо осторожно смочить руки, ноги, туловище и лишь после этого заходить в воду. Здоровые дети могут начинать купаться с 5—10 минут до 15, максимум 20 минут и не больше двух-трех раз в день с обязательным перерывом в 3—4 часа.

Как одевать ребенка летом? Здесь ответ будет кратким: как можно меньше одевать. Трусики, майка, белая панамка, сандалии или тапочки — вот и весь летний наряд малыша. В жаркий день можно обойтись и без майки, а вот о панамке или о легкой соломенной шляпке забывать нельзя. Многие родители опасаются выпускать детей босиком. Напрасно! Побегать босиком по траве — одно удовольствие, не говоря уже о пользе. При этом ступни ног отдыхают от стесняющей обуви, кожа лучше дышит, привывает и длительно воздействию воздуха и влаги. Особенно полезно ходить босиком детям, страдающим плоскостопием. Разумеется, детей надо предупредить, чтобы при ходьбе были внимательными, не поранили бы ног. Но лишать их из-за этого еще одной полезной закаливающей процедуры неразумно.

М. МИРСКИЙ

Новый дом

Необыкновенно красивое здание выросло в поселке гидростроителей в Днепродзержинске. Редкий прохожий не остановится перед тремя его корпусами, соединенными в одно целое легкими переходами. Огромные, во всю стену, окна вбирают потоки света, свежего воздуха, аромата цветущих акаций и тополей. На фасаде дома выложены из разноцветных плиток зайчата и котят, одноногая цапля и белочка с орехом...

А вот и хозяйка нового дома — дети гидростроителей. Они заполнили веселым гомоном весь двор — игровые площадки, беседки, террасы, бегают вокруг

фонтанов и цветочных клумб, плещутся в летних душевых. Хорошо здесь детворе!

Новый детский комбинат сад-ясли рассчитан на 280 мест, но тесноты здесь нет. Проектом предусмотрена удачная внутренняя планировка групповых комнат обслуживающего персонала, хозяйственных помещений. Очень хороша и детская мебель, созданная Киевским институтом экспериментального проектирования; новейшими бытовыми приборами и машинами оборудованы кухня и прачечная.

Е. Чайковская

г. Днепродзержинск.

Фото Д. Гремграева.

НАПИТКИ

Фотограф читательницы
Н. А. Сапроновой (Москва).

Полезная вода

Наша Родина богата целебными источниками. Разнообразные по своим физическим свойствам и химическому составу, они успешно используются для лечения различных заболеваний, особенно желудочно-кишечного тракта. Многие больные, не выезжая на курорты, лечатся минеральными водами, разлитыми в бутылки.

Нас, врачей, часто спрашивают: а не изменится ли химический состав воды, когда ее разливают в бутылки? Хочу сразу же успокоить тех, кого это волнует: нет, не изменится. При правильном хранении бутылок (в лежачем положении, в прохладном и защищенном от солнца месте) целебные качества воды сохраняются до шести месяцев. Следовательно, нет разницы, пьет ли вы воду из бутылок или непосредственно из источника.

Свыше 70 химических элементов содержится в минеральных водах, среди них натрий, калий, кальций, магний, железо, медь, бром, йод, литий, марганец. Воды различаются и количеством растворенных в них газов, и радиоактивностью, и температурой.

Химический состав и физические свойства определяют качество минеральной воды, ее лечебное назначение, или, как говорят, тип воды. Принято делить минеральные воды на следующие группы: гидрокарбонатные (содовые) — типа Боржоми, хлоридной — типа Новоизвестской, сульфатные — типа Баталинской, комбинированные, сложные, состоящие из первых трех групп, но имеющие какое-то свое важное свойство (например, Лугела содержит большое количество хлористого кальция, а Полуостровская вода богаче железом), газовые — углекислые, сероводородные, радиоактивные.

При малокровии рекомендуются воды, содержащие железо, такие, как Аршан, Полуостровская, для нормализации желудочного сока и ликвидации воспалительных изменений в желудке — углекислые, солянощелочные, гидрокарбонатные (содовые) воды; при хронических запорах — сульфатные, а при заболеваниях мочевых органов — маломинерализованные воды.

Как применять бутылочные минеральные воды? Еще в конце прошлого столетия великий русский физиолог Иван Петрович Павлов рекомендовал принимать солевые растворы (минеральные воды): для повышения кислотности —

непосредственно перед едой, при нормальной кислотности — за 40—60 минут, а для понижения кислотности — за 1—1,5 часа до приема пищи. Эти рекомендации легли в основу лечения минеральными водами.

Наблюдения показали, что при пониженной кислотности достигаются лучшие результаты, если минеральную воду пить маленькими глотками. При этом дольше орошается слизистая оболочка желудка, лучше смыываются слизь и отжившие клетки, происходит более выраженное раздражение нервных окончаний и желез желудка, вырабатывающих кислый желудочный сок. При нормальной и повышенной кислотности рекомендуется пить воду большими глотками: вода быстрее поступает в двенадцатиперстную кишку и оказывает свое благотворное действие.

Минеральную воду лучше пить подогретой до 40—45 градусов. Теплая вода уменьшает боли, снимает спазмы, способствует ликвидации воспалительных изменений. Она легко всасывается в кровь, а поступающая в печень, раздражает желчь и этим помогает более быстрому освобождению желчных протоков и желчного пузыря от песка, микробов, паразитов, слизи, то есть препятствует застою желчи, образованию камней в желчном пузыре. Пить рекомендуется по одному стакану (200 граммов) три раза в день определенными курсами (30 дней) с последующими перерывами до трех месяцев.

Лицам, страдающим пониженной кислотностью, можно рекомендовать Эссентуки № 4 и № 17, Нарзан, Витязуас, Суири, Арзни; при заболеваниях желудка, протекающих с повышенной и нормальной кислотностью (хронические гастриты, язвенная болезнь), — Березовскую, Боржоми, Эссентуки № 4, Ласточку, Московскую, Смирновскую, Славяновскую; при хронических заболеваниях кишечника — Арзни, Аршан, Джермук, Эссентуки № 4 и № 17, Боржоми. Заболевания печени и желчных путей лечат водами: Эссентуки № 4 и № 17, Дзау-Суар, Суири, Московскую, Смирновскую, а почки и мочевые пути — Эссентуки № 20, Ижевской, Славяновской, Смирновской и другими.

Во время лечения минеральными водами следует строго соблюдать режим питания, придерживаться диеты, не употреблять спиртных напитков.

И. КОНОВАЛОВ,
кандидат медицинских наук

КВАС ЛИМОННЫЙ

В большую кастрюлю положить сахар, нарезанные кусочками лимоны и изюм и залить крутым кипятком. Накрыть кастрюлю полотенцем. Когда вода несколько остынет (но не охладится), влить разведенные в воде дрожжи и положить соду.

Оставить бродить 12 часов, затем процедить и разлить в бутылки, положив в каждую по 2—3 изюминки. Хорошо закупорить пробками, подержать еще два часа в теплом месте и поставить на холод. Через 2—3 дня квас готов.

На 15 литров воды сахара — 800 г, лимонов — 2 шт., изюма — 200 г, дрожжей — 25 г, соды — 1/2 чайной ложки.

КВАС ИЗ РЖАНОГО ХЛЕБА

Ржаной хлеб подсушить в духовом шкафу до коричневого цвета, положить в кастрюлю и залить кипятком. Держать 5—6 часов. Затем настой процедить через марлю в эмалированную кастрюлю, влить в него разведенные кипяченой водой дрожжи и, размешивая, добавить сахар и мяту. Накрыть крышкой и оставить для брожения на 5—6 часов. Когда квас начнет пениться, вторично процедить его, разлить в бутылки, в которые предварительно положить по несколько изюминок, и закупорить.

Пробки следует сначала размочить в кипятке, чтобы они стали эластичнее, а после укупорки закрепить шпагатом. Бутылки вынести в холодное место и оставить там в лежачем положении. Через 2—3 дня квас готов.

На 10—12 бутылок кваса: ржаного хлеба — 1 кг, дрожжей — 25 г, сахара — 200 г, изюма — 50 г, мяты — 20 г (можно делать квас и без мяты).

ХОЛОДНЫЙ ЧАЙ

Крепко заваренный чай процедить через сито или марлю в фарфоровую посуду, добавить сахар и охладить. При подаче в чашку по-

ложить ломтик лимона или апельсина. Можно добавить 2 столовые ложки виноградного, вишневого или смородинового сока.

СБИТЕНЬ

Мед или патоку растворить в кипятке, прибавить пряности и кипятить 30 минут, снимая пену. Пить горячим, как чай.

На 1 литр воды: мед — 50 г или патоки — 60 г, корицы — 0,3 г, гвоздики — 0,2 г, мяты — 0,2 г, хмеля — 3 г.

ТОМАТНЫЙ СОК

Готовят сок только из свежих, неповрежденных, вполне спелых помидоров. Вымытые и нарезанные плоды сложить в кастрюлю и поставить нагревать. Как только помидоры осядут, добавить новую порцию, а затем еще и еще, пока кастрюля не наполнится доверху. После того, как все закипит, сок слить через дуршлаг или сито (из оставшейся массы можно приготовить пюре или пасту).

Полученный томатный сок кипятить 10 минут и разлить в заранее подготовленные чистые, сухие горячие стеклянные баллоны, бутылки или банки.

Баллоны (10-литровые) закрыть пробками, залить смолой или сургучом, положить набор и в таком виде оставить до охлаждения. Полировые и литровые банки нужно простерилизовать в кипящей воде 30 минут, затем закрыть крышками и поставить дном вверх. Хранят томатный сок в прохладном помещении. Сок из вскрытых банок нужно быстро использовать.

Чтобы сок был более приятным на вкус, перед употреблением его охлаждают и приправляют солью и перцем.

ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ НАПИТОК

Смешать 3/4 стакана молока, 1 столовую ложку сахара и 1/4 стакана растертой земляники, добавить немного соли, все это взбить, чтобы получилась однородная масса. Подавать на стол в охлажденном виде.

Рисунки
В. Житникова.

Враги моли

Среди комнатных растений есть такие, что не только украшают жилье, но и приносят практическую пользу. Во многих домах, например, разводят растение со сложным научным названием «сплетрантус», что в переводе означает «широкоцвет», или «петушиная шпора» (цветки по внешнему виду и в самом деле напоминают шпору); называют еще его «красивкой», потому что у него такая же форма листа, как у крапивы. Это растение имеет приятный аромат мяты, а когда потрогаешь лист, моментально почувствуешь резкий запах от испарения эфирных масел. Этот запах губительно действует на моль, комаров и мух. Недаром иногда его называют мухоносом. Размножается крапивка при помощи черенков в марте, апреле, а также в летние месяцы (черенки легко укореняются в почве).

Уничтожает моль и другое распространенное комнатное растение — пеларгония душистая, или, как иначе ее еще называют, герань душистая. В его красивых, глубоко разрезанных листьях содержится большое количество эфирных масел с нежным запахом лимона. В жаркий солнечный день эфирное масло обильно выделяется и наполняет комнату приятным ароматом, который очень хорошо дезинфицирует воздух.

Можно указать еще на одно дикорастущее растение, уничтожающее моль. Это багульник, вечнозеленый небольшой кустарник с кожистыми, продолговатыми листьями, не опадающими на зиму. Багульник обладает резким одурачивающим запахом, довольно ядовит. Растет во многих местах Советского Союза, главным образом на болотах. Многие используют листья багульника для сохранения зимней одежды и меха от поражения молью. Сухие листья багульника растирают в грубый порошок и засыпают в марлевые мешочки, а затем кладут среди меховых, шерстяных и суконных вещей. Летом багульником окуривают помещения от комаров и мошек.

В. МЕДВЕДСКАЯ

Семь раз примерь...

Хорошо одеваться — это своего рода творческая задача. Решение ее начинается с покупки ткани. Прежде всего определите, идет ли вам цвет ткани. Дать тут совет очень трудно, это связано с цветом вашей кожи, волос, глаз.

Выбирая ткань, надо всегда учитывать, насколько подходит она для той одежды, которую вы собираетесь сшить.

Начнем с пальто. Сейчас модны пальто простые, прямые или слегка расширенные книзу от линии бедер. Никакой громоздкости, никакой излишней ширины. Воротники, отвороты, карманы небольшие, изящные. Можно сшить пальто из однотонного драпа. Имейте в виду, что входит в моду синий цвет, модны все оттенки коричневого, от светлого до темных тонов.

Но интересней, моднее и дешевле обойдется пальто, если вы выберете что-нибудь из пестротканых, ворсистых, буклированных материалов или тканей в крупную клетку.

Для теплых весенних и осенних дней хорошо иметь костюм для улицы, он вполне заменит демисезонное пальто, а выглядит интереснее. На такой костюм подберите себе что-либо недорогое из буклированных и пестротканых ворсистых материалов, из тех же, что идут на пальто.

Легкий костюм для лета — практичная и удобная одежда. Прохладным утром и вечером его носят с жакетом, а когда становится жарко, остаются в юбке с блузкой.

Для такого костюма подойдут штапельные ткани с несминаемой обработкой или ткани с лавсаном. Они хорошо держат складки и модную в этом сезоне плиссировку на юбке. На блузку возьмите поплин, репс или пике. Сейчас модны блузки из набивной ткани, важно только, чтобы она подходила по цвету и юбке.

Когда вы ищете сочетания гладкой и набивной ткани для отделки или подбираете материал на блузку к костюму, посмотрите на обе ткани на некотором расстоянии. Только так можно определить общий тон набивной ткани и решить, сочетается ли он с гладкой тканью. Чаще всего ошибки в подборе одного материала и другому происходят потому, что обращают внимание на наиболее бросающийся в глаза цветочек или пятнышко и его берут за основу, не учитывая того, что уже с небольшого расстояния этот цветочек совершенно потеряется, а выявится общий тон набивной ткани.

Для повседневных платьев и платьев-

костюмов продаются утяжеленные штапельные ткани в клетку или в полоску. Многие не обращают внимания на свою домашнюю одежду: донашивают старые платья, надевают некрасивые халаты или передники. Это неправильно. Хозяйка должна быть украшением своего дома, одеваться не только опрятно, но и красиво. Для этого не нужно больших денег. Купите сатин, ситец или штапель и сшейте себе самое простое домашнее платье. Подберите материал и на фартук: возьмите сурового полотна и отделайте его бейками из той же ткани, что и на платье. Если у вас гладкое платье, то фартук можно сделать из набивной ткани или из материала в клетку или в полоску.

Что касается нарядных летних платьев, то для них имеется большой выбор тканей. Особенно хороши по расцветке жреп-маронен, «ладога», «южанина». Модны ткани с восточным рисунком из «огурцов» на светлом фоне.

Особенно осмотрительно выбирайте материал для вечерних платьев. Продается множество разнообразных тканей под названием «тафта». Они, бесспорно, красивы, но фасон надо выбирать очень простой и строгий. Эти ткани не подходят для платьев с лифом, прилегающим по фигуре, с широкой юбкой в сборку или с мягкими складками. Лучше шить из тафты платье-костюм прямой формы. Жакет может быть без воротника. Если надеть и костюму хорошо подобранные бусы, то туалет получится элегантный. Нарядно выглядит прямое платье из тафты, без рукавов, с узким поясом, расположенным по талии или несколько ниже. В таком платье можно пойти в театр или на концерт.

Для вечера, на котором предполагаются танцы, лучше всего сделать легкое, воздушное платье с прилегающим лифом и широкой юбкой. Красивы платья из кружевного полотна и напрана на чехле. Их можно реномендовать молодежи.

Модна разнообразная плиссировка. Нарядным выглядит платье из гладкокрашеного или набивного шелка, плиссированного сверху до низу или от кокетки.

В заключение хочу сказать: при выборе ткани на платье, костюм или пальто помните об имеющихся у вас туфлях, шляпе, перчатках, сумочке. Важно, чтобы они подходили по цвету к вашей новой вещи.

Н. ПОЛИВОВА,
старший искусствовед отдела мод ГУМА

ЗАРУБЕЖНАЯ
МОДА

АНГЛИЯ

ИТАЛИЯ

ФРАНЦИЯ

Вот как бывает!..

Варвара КАРБОВСКАЯ

НА ПРОГУЛКЕ.
Рисунок Д. Белова.

БЕЗ СЛОВ.
Рисунок Г. Кованова

На первой и четвертой страницах обложки: Рисунки детей и фото нашего читателя Н. Дмитриева (г. Днепродзержинск).

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки летних платьев и костюмов. Модели их на обложке рядом.

Мне хочется рассказать об одном письме. Оно довольно длинное, но я передам его содержание по возможности кратко.

Анна Д. сорок три года. (Молодые скучно протянут: о-о-о! Но я напомню тем, кому сейчас 29, что им через год пойдет четвертый десяток. И еще я возьму на себя смелость предсказать, что сегодняшние молодые еще добрых 30 лет будут искренне и упрямо утверждать, что лучшее у них впереди — и в жизни и в работе.)

Анна Д. — жена офицера. Это не единственная ее «должность» на земле: у нее высшее образование, она приносит много пользы людям, но в этой истории она выступает только как жена. Всю жизнь она ездила вместе с мужем, вместе с его полком. В одном из таких трудных переездов погиб, не успев родиться, ее ребенок. Детей больше не было, и Анна чувствовала себя виноватой перед мужем, хотя ни в чем не была виновата. Она горюет, что никто не называет его отцом; что он лишен ни с чем не сравнимой отцовской гордой радости. Тех, кто говорит: «Без детей куда спокойнее!» — или тех, кто бегает от своих детей, она не понимает. Она готова встать на защиту каждого ребенка. И вот странным образом ей представился такой случай.

Она получила письмо. В письме ее называли змеей, ведьмой, и это были еще не самые худшие слова. Анна не знала за собой никаких змеиных поступков и хотела понять, в чем же суть. Но прежде чем добраться до смысла, ей пришлось проглотить несколько порций ругательства. Суть же заключалась в том, что 18-летняя девушка, автор грубого и злого письма, называла себя дочерью Анниного мужа, а саму Анну — змеей-разлучницей.

Многие женщины на месте Анны, вероятно, устроили бы мужу грандиозный скандал, и пусть бросит в них камнем тот, кто никогда не ревновал и не мучился. Другие, может быть, молча выставили бы чемодан на видное место, как это делается в кинофильмах, и начали бы швырять в него платья и более мелкие предметы туалета.

Анна не выдвигала чемодан и не грозилась мужу «пожаловаться». Сначала ее взволновала мысль, что, сама того не зная, она разбила чье-то счастье. Потом, взяв себя в руки, она подсчитала возраст юной корреспондентки и свой собственный семейный стаж. Получилась явная неувязка: не она втор-

глась в чью-то жизнь, а как раз наоборот.

Анна Д. — деликатный человек. Она не рассказывает в своем письме о том, как произошло объяснение с мужем. Сдержанно приводит она его слова о женщине, которая появилась в его жизни давно и ненадолго. Он не пытался оправдаться, кивая на фронтных друзей: дескать, с кем не бывало!.. Он повинился перед женой и только не мог объяснить, почему женщина, если она была матерью его ребенка, не разыскала его раньше. Это можно было сделать легко и просто. Не хотела? Тогда зачем же теперь проявлять такую настойчивость, диктуя дочери пошлые письма: «Брось свою бездетную ведьму и приежай! Мамочка крепко целует тебя и ждет!»

Анна ни слова не пишет о своих горьких переживаниях, а их не могло не быть, и ни одного дурного слова о женщине, которая причинила ей боль. Анна пишет совсем о другом: «Девочке 18 лет. Тяжело и больно думать, что она воспитывается в любви и лжи, что с самой юности у нее будет неправильное представление о людях. Когда недоверчивость или пошлость вопьются в душу, их уже трудно оттуда вырвать. Девочка пишет истерические письма отцу (он не скрывает их от меня): «Папочка! Тебя украли у меня...» Она пишет вещи, которые могли бы показаться смешными, если бы не были ужасными: «Папуля, вчера к нам в окно залетела летучая мышь, и мама сказала, что это твоя жена-разлучница. Быть беде!..» Разве это не ужасно, что такой гадкий вздор пишет комсомолка, только что окончившая школу! Я прошу ее приехать. Я хочу, чтоб она была смелой, чтоб не швырялась камнями из-за угла. Смелой и чистой. Пусть даже придут обе, я не боюсь. Я ни одним словом не упрекну ее мать. Что было очень давно, то прошло. Сейчас важно другое — смести всю грязь с пути девочки. Не должны молодые ходить по грязи, нельзя, чтоб она к ним прилипла!»

Она не должна расти среди неправды. Пусть придет! Я хочу только одного: чтоб она стала хорошим человеком. Все, что зависит от меня, я сделаю. И муж — тоже».

Мы много читали повестей и романов о женщинах обманутых и обманщицах. И видели на эту тему художественные фильмы. И слушали по этому поводу нехудожественные разговоры. А в жизни, оказывается, поступают и так, как Анна Д., — просто, правдиво и человечно.

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, К. Ф. ДРОЖКИНА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Я. Мирошниченко.

Рукописи не возвращаются.

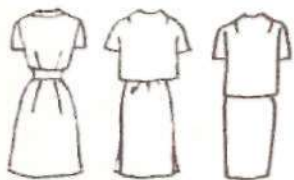
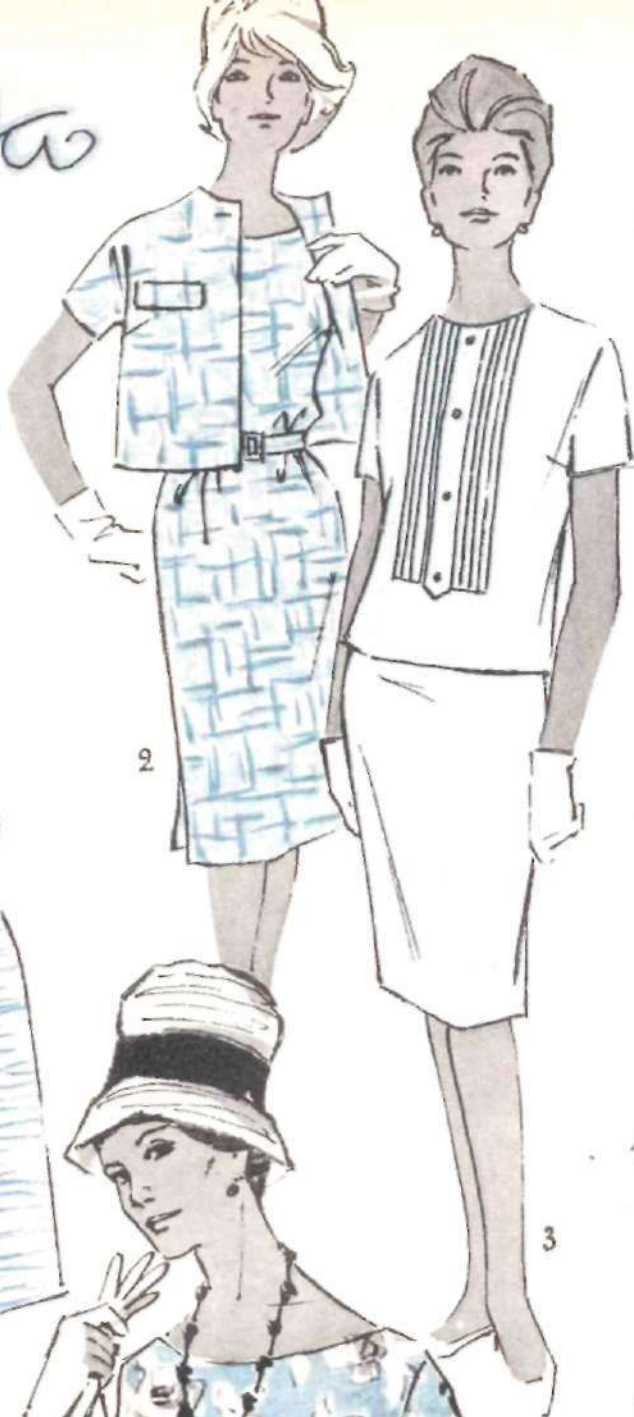
Технический редактор — Н. Будина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79, отд. писем — Д 3-34-15.

А 00100. Подписано к печати 4/VI 1963 г. Тираж 4 000 000 экз. Зак. № 1254. Изд. № 1055. Форм. бум. 60×92½. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Moda

83

РИСУЮТ ДЕТИ

На первой странице обложки:
ПУСТЬ ДРУЖБА БУДЕТ НЕРУШИМОЙ.
Тамара МОНТАШКЕВИЧ, 12 лет, г. Москва.
ЮНЫЕ ХУДОЖНИЦЫ. Оля КАБАНОВА,
13 лет, г. Рязань.

На четвертой странице обложки:
ПИОНЕРСКАЯ ПТИЦЕФЕРМА. Света КАТКОВА,
12 лет, Краснодарский край, станция
Ново Титаревская.

ВСТРЕЧА ДЕЛЕГАЦИИ. Рая АЗИМОВА, 13 лет,
г. Баку.

МОСКВА. Галя СТЕШИНА, 11 лет, г. Люблино.

НА ЭКСКУРСИЮ В МУЗЕЙ. Люда и Юра
МИЛЯВЫ, 11 лет, г. Ереван.

